

Алёна
СКИФ

РАЗВОД

Из Греции

С ЛЮБОВЬЮ

18+

Алёна Скиф

Развод. Из Греции с любовью

«Автор»

2026

Скиф А.

Развод. Из Греции с любовью / А. Скиф — «Автор», 2026

Свадьба в Греции. Море, оливки, музыка, счастье. Я выхожу замуж за красавца-грека, а через два часа после венчания нахожу его в ослином загоне с подругой детства.— Это ничего не значит! Просто физиология! Он думал, что я прощу. Он думал, что я заплачу и останусь. А я толкнула его в навоз, бросила обручальное кольцо прямо туда же и уехала в ночь с незнакомцем на чёрном внедорожнике. Говорят, свадьба это начало новой жизни. Что ж, начало вышло так себе.

© Скиф А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	15
Глава 6	18
Глава 7	20
Глава 8	22
Глава 9	24
Глава 10	27
Глава 11	30
Глава 12	33
Глава 13	36
Глава 14	39
Глава 15	42
Глава 16	44
Глава 17	47
Глава 18	51
Глава 19	54
Глава 20	57
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Алёна Скиф

Развод. Из Греции с любовью

Глава 1

— Чем ворон считать, лучше бы пошла да нашла своего мужа, – с укором произнесла моя новоявленная свекровь, и её рот сжался в подобие куриной гузки.

Ух, противная женщина досталась мне в родственнички.

— А я и не считаю, – ответила я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. – Мой муж свободный человек. Может гулять и находиться там, где ему удобно.

— Свободный? – Она поджала губы ещё сильнее, отчего лицо её приобрело выражение оскорблённой курицы, наступившей на собственное яйцо. – Он теперь не свободный, а женатый. На... тебе. Знала бы моя матушка, на ком женился её внук, с того бы света вернулась, чтобы не дать беде случиться.

Она окинула меня взглядом с ног до головы. Тяжёлым, липким, словно взвешивала, много ли во мне того, что можно продать на рынке.

— Моя мать вырастила сына для достойной греческой девушки, – продолжила она, повышая голос ровно настолько, чтобы я слышала, а окружающие нет. – А он привёз из России... как там вас называют? Ой, извините, запамятовала. Только не обижайся. Я же ничего плохого не сказала. Просто у нас в Греции женщины знают своё место. Мужу под ноги смотрят, а не по гостям шастают в поисках приключений.

— Вы правы, кирия Элени, – улыбнулась я, чувствуя, как желчь поднимается к горлу. – Наверное, поэтому ваша София так хорошо смотрит под ноги, что споткнулась о моего мужа. Но это же случайно вышло, правда? Или она просто ноги раздвинула, когда увидела, куда смотреть?

Свекровь побагровела. Её куриная гузка задрожала.

— Ты... как ты смеешь... София дочь моей кумы! Она воспитана в лучших традициях! Не то что некоторые, кто приезжает в чужую страну, открывает рот, где не просят, и думает, что ей всё позволено!

— О, я и не думала, что мне всё позволено, – я поправила фату, которая съехала набок. – Просто у нас в России женщины, знаете ли, тоже смотрят под ноги. Особенно когда идут к алтарю. Чтобы не наступить в то, что после себя оставляют ослики. Или некоторые мужчины.

Я развернулась и пошла прочь, чувствуя спиной её прожигающий взгляд.

— Всё скажу сыну! – донеслось мне вслед. – Всё расскажу, какой ты неблагодарной выросла! Тридцать сребреников за тебя заплатили, а толку!

Я не обернулась. Только ускорила шаг. Подхватила подол платья и пошла искать своего мужа Алексиса.

Я оглядела танцплощадку, где мама, разругавшаяся и сбившая каблуки, отплясывала сиртаки с толстым дядей Йоргосом. Гости пили, ели, кричали. Алексиса не было рядом уже полчаса. Может, больше.

— Кать, ты Алексиса не видела?

Подруга оторвалась от бутылки узо, прищурилась:

— Ходил тут с какими-то своими. Минут двадцать назад. Может, курит?

— Он не курит.

— Ну, значит, разговаривает. Расслабься, Любаша! Ты теперь замужняя женщина!

Она икнула, чмокнула меня в щёку и исчезла в толпе. А я не могла расслабиться. Что-то царапало изнутри, грызло, не давало дышать. Сначала я списала это на суету. Но Алексис

никогда не исчезал надолго. Всегда держал меня за руку, всегда смотрел в глаза. Он говорил, что не может без меня и минуты.

А сегодня прошло целых тридцать.

Обогнула зал – нет. Заглянула в бар тоже нет.

Спросила его кузена, тот был пьян, мычал что-то невнятное и тыкал пальцем в сторону кухни. На кухне орали повара, но Алексиса там не было.

Официантка с пустым подносом кивнула на заднюю дверь:

— Там, за рестораном. С осликами.

Я вышла на улицу. Стало тише. Только цикады стрекотали да где-то вдали слышался шум свадьбы. Пахло навозом, сухой травой и чем-то сладковатым. Загон с тремя уснувшими осликами, которые даже не шевельнулись. Я хотела уйти, но вдруг услышала звук. Влажный, ритмичный. И сдавленный женский стон.

Кровь отхлынула от лица, ноги стали ватными. Я сделала шаг вперёд, заглянула за угол каменной стены, где стояла телега с сеном. Свет от одинокого фонаря падал на две фигуры.

Я узнала спину Алексиса. Широкие плечи, загорелая кожа. Его льняная рубашка, которую я выбирала ему в Афинах была растёгнута и болталась на локтях. Он стоял на коленях в сене, прижимая к себе женщину. Ноги обвивали его бёдра. Руки вцепились ему в волосы.

София.

Подруга детства моего мужа. Та самая, про которую свекровь говорила мне: «Она как дочь, такая славная девочка». Я видела её всего несколько раз. Она всегда мило улыбалась, всегда говорила комплименты.

Сейчас она не была славной. Сейчас её глаза были закрыты, рот приоткрыт, и она издавала те самые влажные, ритмичные звуки.

Мир не рухнул с грохотом. Не взорвался с треском. Просто что-то щёлкнуло в голове, и наступила ледяная, абсолютная тишина. Я смотрела на них, и меня тошнило.

Алексис услышал мой вскрик. Резко обернулся. На его красивом, любимом, родном лице застыла маска ужаса.

— Любава!

Он попытался отстраниться. Дёрнул бёдрами. И замер. Дёрнул снова. Не выходило. У него ничего не выходило да и он сама походу... застрял.

Его глаза округлились. Он посмотрел вниз, потом на меня, потом снова вниз. Из горла вырвался сдавленный, панический звук. София открыла глаза, увидела меня и завизжала.

— Стой! – заорал Алексис. – Любава, стой! Я не хотел! Это вышло случайно!

— Случайно?! – мой голос сорвался на визг. Связки, казалось, рвались от напряжения. – Ты трахаешь её на нашей свадьбе случайно?!

Он дёргался, багровел, скрипел зубами, махал руками, как ветряная мельница, а его бёдра совершали какие-то судорожные, нелепые движения.

Какая-то жестокая ирония сковала его в тот самый момент, когда он должен был отпрянуть с позором. София вскрикивала, пыталась отодвинуться, но мышцы, казалось, держали моего мужа мёртвой хваткой.

— Это не то, что ты думаешь! – выкрикнул он. – Она сама! Я зашёл проверить осликов! Она подошла! Я не...

— Ты зашел проверить осликов?! – Я сорвала фату с головы и швырнула в него. – И случайно попал членом в свою подругу?! Так что ли?

Он дёрнулся в последний раз. Раздался звук, похожий на то, как вытаскивают ногу из болота. София вскрикнула, Алексис рухнул на четвереньки прямо в сено, пытаясь натянуть штаны. Он путался, падал лицом в навоз, а я стояла и смотрела на это представление.

И мне (странно конечно), но мне было смешно до коликов в животе.

— Любава, умоляю! – Он поднял руки, шагнул ко мне. Штаны были натянуты задом наперёд, рубашка болталась, на губах... помада. – Я люблю тебя. Это ничего не значит. Она сама пришла. Я был пьян и не понимал, что делаю.

Он схватил меня за руку, но я оттолкнула его, не в силах терпеть. Алексис не удержался и поскользнувшись на влажном сене, упал. Я лишь махнула рукой и отвернулась, чтобы уйти. Но в этот момент услышала истошный крик Софии.

– Что ты наделала, дура?! Ты же его убила!

Глава 2

Я обернулась. София стояла над распластанным в сене Алексисом, её лицо было белым как мел. Она трясла его за плечо, но он не двигался. Его глаза были закрыты, голова безвольно запрокинута. Сердце пропустило удар. Я смотрела на мужа, который минуту назад разговаривал со мной, а теперь лежал неподвижно. София продолжала кричать.

— Помогите! Кто-нибудь! Она его убила!

Я стояла, не в силах пошевелиться. В голове билась одна мысль: неужели? Неужели я...

Но Алексис вдруг застонал. Медленно, очень медленно он приподнялся, опираясь на руки. Открыл глаза, мутные, ничего не понимающие, и посмотрел на меня.

— Любава... – прохрипел он.

Я выдохнула. И в этот выдох вместились всё: и облегчение, и отвращение, и ледяное спокойствие, которое приходит, когда боль достигает своего предела и перестаёт чувствоваться.

— Прости меня, то была ошибка, – прошептал он. – Слабость. Я не знаю, что на меня наэшло. Она меня поцеловала, я растерялся...

— Растерялся? – я рассмеялась. Смех вырвался из горла сухой, истеричной волной. – Ты растерялся и решил засадить ей по самые яйца? Прямо здесь? Прямо сейчас? На нашей свадьбе?!

— Она сказала, что хочет попроситься, – бормотал Алексис, поднимаясь. – Что она грустит, что я женюсь, она плакала, я хотел её утешить...

— Утешить?! – Я сделала шаг вперёд. Мне хотелось вцепиться ему в лицо. Выцарапать эти глаза, которые смотрели на меня с такой любовью всего два часа назад. – Ты засунул в неё свой член, чтобы утешить?!

— Не надо так, Любава, – его голос стал жалким, просящим. Он потянул ко мне руки. – Ты же понимаешь, мужчина это не то, что женщина. У нас тело отдельно от души. Я люблю тебя. Только тебя. А это просто... физиология. Это ничего не значит.

Я посмотрела на его руки. На кольцо, которое я надела ему на палец два часа назад.

— Ничего не значит? – повторила я. – Ты трахаешь другую через два часа после того, как поклялся мне в вечной любви перед Богом, и это ничего не значит?

— Это правда! – он сделал шаг ко мне. – Клянусь! Я люблю только тебя! Она ничего для меня не значит! Это просто секс!

— Просто секс, – кивнула я. – На нашей свадьбе. С подружкой, которую твоя мать хотела видеть своей невесткой. Просто секс.

— Не будь такой... эмм... злюкой, – он закусил губу, подбирая слово. – Давай поговорим спокойно. Мы же взрослые люди. Все же это не конец света.

Я смотрела на этого красивого, улыбчивого, обаятельного мужчину, которого я любила. Которому верила. Которому открыла своё сердце. Который сейчас стоял передо мной в штанах задом наперёд, с помадой на губах и пытался оправдаться за случайный трах на нашей свадьбе.

— Не конец света? – тихо спросила я. – А что, по-твоему, конец света? Когда я застану тебя в постели с моей мамой?

Он поморщился и отвёл глаза.

— Ты преувеличиваешь, – буркнул он. – Это была одна ошибка. Одна маленькая ошибка. Неужели ты готова разрушить нашу семью из-за какой-то...

— Какая-то? – я перевела взгляд на Софию. Она уже натянула платье и теперь стояла, вцепившись в оглоблю телеги. Её трясло. – Ты слышишь, София? Ты для него «какая-то». Просто дырка. Он уже забыл, как стонал в тебе минуту назад.

— Любава! – рявкнул Алексис. В его голосе впервые прорезалась злость. – Хватит! Ты ведёшь себя как истеричка!

— Истеричка?! – я сделала шаг к нему. Теперь мы стояли друг напротив друга. Я смотрела ему в глаза. – Ты изменил мне через два часа после свадьбы. ТЫ. И я после этого истеричка?

— Я сказал, что это ничего не значит, – он сжал челюсти. – Что ты хочешь услышать? Что я её люблю? Не люблю. А тебя люблю. Так что успокойся и вернись на праздник. Люди ждут.

Я смотрела на него и не узнавала. Где тот страстный влюблённый грек, который клялся, что умрёт без меня? Который говорил, что я его воздух, его вселенная?

— Вернись на праздник? – переспросила я. – Ты хочешь, чтобы я вытерла слёзы, улыбнулась и пошла танцевать с человеком, который полчаса назад трахал другую женщину?

— Это было до того, как ты пришла, – он пожал плечами. – Сейчас уже всё кончилось. Я с тобой. Чего тебе ещё?

— Чего мне ещё, – повторила я. И вдруг меня накрыло. Вся боль, всё унижение, вся ярость, которую я сдерживала, вырвалась наружу. – Ты спрашиваешь меня, чего мне ещё?!

Я швырнула в него букет. Пионы разлетелись белыми лепестками, ударили его по лицу.

— Как ты вообще смеешь говорить мне, что это ничего не значит?!

Я толкнула его в грудь. Он отшатнулся, наступил в кучу навоза, поскользнулся.

— Я любила тебя! – орала я, не понимая, что за бес в меня вселился. – Я поверила тебе! Я привезла сюда своих родителей, друзей! Я стояла перед алтарем и клялась тебе в любви! А ты в это время думал, когда сможешь присунуть своей подруге детства?!

— Успокойся! – он схватил меня за запястье и больно сжал. – Ты привлекаешь внимание!

— Пусть слышат! – Я вырвалась и сделала шаг в сторону. – Пусть все знают, какой ты МУДАК!

— Любава, я тебя умоляю, – его голос снова стал просящим. – Мы можем всё решить. Я куплю тебе что хочешь. Машину. Дом. Всё, что захочешь. Только не скандал. Пожалуйста.

— Ты хочешь меня купить? – я смотрела на него с отвращением. – Ты думаешь, меня можно купить?

— Я лишь хочу всё исправить, – он потянулся ко мне. – Я люблю тебя. Я докажу. Я больше никогда...

— Не трогай меня, мразь, – я отшатнулась. – Не прикасайся ко мне этими руками. Они только что лапали её.

— Любава...

— Я вышла за тебя замуж, – сказала я, и голос мой дрожал. – Я верила тебе. Я оставила свою страну, работу, жизнь. Поехала в чужую страну ради тебя. А ты... ты даже не смог продержаться до конца свадебного ужина.

— Это была ошибка... милая моя.

— Ты прав, – сказала я. – Ошибка. И я её совершила в тот день, когда ответила на твоё сообщение.

Я сорвала кольцо с пальца. Смотрела на него, белое золото, бриллиант, который я выбирала так долго.

— Не надо, – прошептал Алексис. В его глазах появился страх. – Пожалуйста, не надо.

— Ты сказал, что это ничего не значит, – я сжала кольцо в кулаке. – Что ж, я с тобой согласна.

Я замахнулась, чтобы швырнуть кольцо ему под ноги.

— Любава! – заорал он. – Осторожно!

И в этот момент сзади раздался визг тормозов.

Глава 3

Я замерла. Рука с кольцом застыла в воздухе. Я резко обернулась.

У ворот ресторана, в паре метров от меня, остановился огромный чёрный внедорожник. Дверь открылась, и из машины вышел мужчина.

Высокий, широкоплечий мужчина с резкими чертами лица, напоминающими маску из античной трагедии. Тёмные волосы на висках тронула седина, а волевая челюсть придавала ему решительный вид. Он был одет просто: светлая рубашка с закатанными рукавами, обнажающими сильные предплечья, и брюки. На запястье красовались дорогие часы, но в нём чувствовалась порода, которую не купишь за деньги. Она либо есть от рождения, либо её нет вовсе.

Он смотрел на меня и на кольцо в моей руке. На моё свадебное платье, которое всё ещё было целым, но успело покрыться грязью на подоле и на фату, съехавшую набок. На лицо, размазанное в ноль, с дорожками слёз, которые я даже не пыталась скрывать.

— Чёрт возьми, – сказал он. Голос низкий, спокойный, с лёгкой хрипотцой, которая почему-то заставила мои плечи чуть расслабиться. – Вы живы?

— Кто вы такой? – рявкнул Алексис из-за моей спины, пытаясь подняться из навоза. Его голос звучал жалко, но он всё равно пытался казаться грозным.

Мужчина не обратил на него внимания. Даже взглядом не удостоил.

Он сделал шаг ко мне.

— Садитесь, – сказал он.

Просто и спокойно. Так, будто это самое очевидное решение в мире.

Я посмотрела на кольцо в своей руке. Потом на Алексиса. Он стоял в двух шагах, грязный, растерянный, с мольбой в глазах. Навоз стекал по его лицу, по льняной рубашке, которую я выбирала ему в Афинах.

— Любава, иди сюда, – прошептал он. – Давай поговорим. Мы всё решим.

Я смотрела ему в глаза, но видела только пустоту и усталость. Любви там больше не было – она была растоптана грязными ботинками в этом загоне для осликов.

— Решим? – переспросила я. Голос прозвучал тихо, почти безжизненно. – Ты изменил мне через два часа после венчания. Что тут решать?

Я разжала пальцы.

Кольцо упало на землю, последний раз сверкнуло на прощание бриллиантом, который я выбирала так долго, так трепетно и затерялась где-то в соломе.

— Любава! – Алексис бросился за ним, упал на колени, пытаясь поймать его. Я слышала, как он шарит руками по земле, как матерится по-гречески, как зовёт Софию на помощь.

А я стояла и смотрела на это, чувствуя, как внутри меня что-то окончательно обрывается.

И тут я почувствовала тёплую ладонь на своей талии.

Я вздрогнула. Подняла глаза.

Мужчина стоял рядом. Так близко, что я чувствовала запах его одеколона – дерево, кожа, пряный орех. И тепло, исходящее от его тела, такое сильное, что оно пробивалось даже сквозь мой ледяной озноб.

— Вы позволите? – спросил он. Голос тихий, но в нём слышалась сталь, не терпящая возражений.

Я не успела ответить.

Он подхватил меня на руки – легко, словно я весила не больше той фаты, что волочилась за мной по земле. Я инстинктивно вцепилась ему в плечо, чувствуя под пальцами жёсткую ткань рубашки и твёрдые мышцы.

Моё сердце пропустило удар. Второй раз за этот вечер, но совсем по другой причине.

— Что ты делаешь?! – заорал Алексис с земли. Он наконец поднялся, сжимая в грязной руке моё кольцо. – Отпусти её! Она моя жена!

Незнакомец не обернулся. Он нёс меня к машине широкими, уверенными шагами, и я чувствовала, как его дыхание касается моего виска – ровное, спокойное, контрастирующее с моим сбивчивым.

— Я вызову полицию! – кричал Алексис. – Ты похищаешь мою жену!

— Какую жену? – тихо спросил мужчина, обращаясь только ко мне. Губы его почти касались моего уха. – Он вообще заслуживает этого слова?

Я не ответила.

Я не могла.

Горло сжал спазм, и я только сильнее вцепилась в его плечо, чувствуя, как слёзы снова текут по щекам. Позорные, ненужные, бесконечные.

Он открыл дверцу внедорожника, бережно опустил меня на кожаное сиденье. Его руки задержались на мгновение – проверяя, удобно ли мне? Или что-то другое? Я не знала. Я вообще ничего не знала в этот момент.

— Любава! – Алексис бежал к нам, размахивая руками. В одной руке он сжимал кольцо, в другой – пытался удержать сползающие штаны. София семенила следом, что-то истерично лепеча по-гречески.

Незнакомец захлопнул дверцу, отрезая меня от этого кошмара.

Он обошёл машину, сел за руль. Я смотрела на его профиль – резкий, с тяжёлой челюстью и сжатыми губами. Он не выглядел злым. Скорее сосредоточенным. Как человек, который привык решать проблемы быстро и без лишних слов.

— Держитесь, – сказал он.

Двигатель взревел. Я вжалась в сиденье, когда внедорожник сорвался с места.

В боковое зеркало я видела Алексиса. Он стоял на коленях посреди парковки, сжимая в руке кольцо, и орал что-то, что тонуло в рёве мотора и стрекоте цикад. София пыталась его поднять, но он отмахивался. Фигура его становилась всё меньше, пока не растворилась окончательно.

Я откинулась на сиденье, закрыла глаза.

Слёзы всё ещё текли и я наконец-то перестала их сдерживать. Пусть текут. Мне уже всё равно.

В машине было тихо. Только урчал двигатель да шуршали шины по асфальту. Пахло кожей, дорогим парфюмом и... спокойствием. Я вдруг поняла, что перестала дрожать. Впервые за последние полчаса.

— Куда вы меня везёте? – спросила я, не открывая глаз.

— Туда, где вас никто не найдёт, – ответил он.

— Это угроза? – я всё же открыла глаза и посмотрела на него.

Он бросил на меня быстрый взгляд. И мне показалось, или уголок его рта действительно чуть приподнялся?

— Это обещание.

— Обещание чего? – удивленно спросила я.

— Скоро узнаете.

Глава 4

Я хотела возразить, спросить ещё что-то, но слова застряли в горле. Усталость навалилась тяжёлой волной, и я просто отвернулась к окну, наблюдая, как за стеклом проплывают силуэты кипарисов, похожие на свечи.

Мы ехали молча. Минут десять, а может, двадцать. Я потеряла счёт времени. В ушах всё ещё звучал крик Алексиса, перед глазами стояла картина - его руки на теле Софии, её запрокинутая голова, этот влажный, ритмичный звук. Я зажмурилась, пытаюсь прогнать наваждение.

Машина свернула с основной дороги на узкий просёлок, петляющий между холмами. Я снова открыла глаза. Впереди показалось море – синее, бескрайнее, с серебряной дорожкой от луны. Дорога пошла вниз, и через несколько минут внедорожник остановился.

— Выходите, – сказал мужчина и первым открыл дверь.

Я выбралась наружу и замерла.

Мы стояли на небольшом пустынном пляже. Где-то внизу, в паре метров от нас, лениво лизала береговая линия, оставляя на песке кружево пены. Скалы уходили в море тёмными силуэтами, а над головой простиралось небо, такое огромное, что у меня перехватило дыхание.

— Красиво, – выдохнула я, сама не ожидая, что смогу произнести хоть слово.

— Да, – ответил он, но смотрел не на море, а на меня.

Я заметила это краем глаза и смутилась. Провела рукой по лицу, наверняка размазывая остатки слёз и туши. Какая же я, должно быть, жалкая сейчас: в свадебном платье, с грязным подолом, с лицом, похожим на маску клоуна после дождя.

— Я... – начала я и замолчала. Слова не шли, стояли в горле комом.

Он стоял рядом, не торопил, просто смотрел на море. Ветер трепал его волосы, и в лунном свете седина на висках казалась серебряной.

— Я любила его, – сказала я тихо, глядя в темную воду. – Правда любила. Думала, он – моё счастье. Моё будущее. Моя жизнь.

Мужчина молчал. Но его молчание было не тяжёлым, а каким-то... поддерживающим. Как будто он просто был рядом, и этого было достаточно.

— Я оставила ради него всё, – продолжала я, чувствуя, как голос начинает ломаться. – Родину. Любимую работу. Друзей. Родителей. Я верила каждому его слову. Каждому взгляду. Я думала, что он тоже меня любит. А он... он даже не смог дождаться конца свадебного ужина.

Я замолчала.

Слёзы снова потекли по щекам, но я уже не пыталась их сдерживать.

— Я такая дура, – прошептала я, вытирая лицо ладонями.

— Вы не дура, – сказал он тихо. – Вы просто верили и любили.

Я подняла на него глаза. Он протянул мне белый, чистый платок и бутылку воды.

— Выпейте, – сказал он. – Станет легче.

Я взяла. Руки дрожали, вода расплескалась, но я сделала несколько глотков. Прохладная жидкость скользнула в горло, принося облегчение.

Мы снова замолчали.

Он отвернулся к морю, и я наконец смогла рассмотреть его профиль – резкий, жёсткий, но в нём не было той пугающей холодности, которую я почувствовала в первую минуту. Скорее, привычка держать дистанцию.

— Спасибо, – выдохнула я, вытирая лицо платком. – Вы даже не знаете, кто я.

Он медленно повернулся ко мне. В свете солнца его глаза казались почти чёрными.

— Я знаю, вас зовут Любава, – сказал он спокойно. – Вы сегодняшняя невеста. И, кажется, вам нужно принять душ и выпить кофе. У меня есть дом на горе.

Я замерла.

— Откуда вы...

— Я был на свадьбе, – ответил он, и в его голосе мне почудилась странная нотка. – Точнее, проезжал мимо. Услышал шум, увидел невесту, которая швыряет кольцо в жениха, и понял: что-то пошло не так.

— И решили меня украсть? – спросила я, чувствуя, как впервые за этот вечер уголки губ дрогнули в подобии улыбки.

— Решил, что невесте в свадебном платье не место в ослином загоне, – ответил он, и теперь я точно увидела, как его губы изогнулись в лёгкой усмешке. – Даже если она сама туда пришла.

Я фыркнула.

— Вообще-то я пришла туда искать мужа. А нашла...

— То, что искали, – закончил он за меня.

Я посмотрела на него с удивлением. Этот странный мужчина, который подобрал меня на парковке, посадил в свою машину, привёз на пустынный пляж... он говорил так, будто понимал меня. Или, по крайней мере, пытался понять.

— Кто вы? – спросила я прямо.

Он помолчал, глядя на море.

— Демьян, – сказал он наконец. – Демьян Муромский.

— Русский?

— Русский. Живу между Москвой и Афинами. Здесь у меня бизнес, дом... и сегодня был свободный день, который, как я вижу, прошёл не зря.

Я усмехнулась.

— Да уж, развлекались мы на славу.

— Я заметил, – ухмыльнулся он.

Я посмотрела на своё платье, на грязный подол, на фату, которая окончательно съехала набок, и неожиданно для себя рассмеялась. Смех вышел хриплым, надорванным, но в нём не было истерики. Просто осознание абсурда всего происходящего.

— Боже, на кого я похожа, – выдохнула я, вытирая слёзы, которые вдруг смешались с этим смехом.

— На невесту, которая сбежала со свадьбы, – спокойно ответил Демьян. – И, кажется, сделала правильный выбор.

Я замолчала, обдумывая его слова.

— Я не знаю, правильный или нет, – сказала я тихо. – Я просто... не могу оставаться с человеком, который предал меня через два часа после венчания. Не могу.

— И не надо, – сказал он просто, как будто это было самое очевидное решение в мире. – А теперь поехали. Вам нужно отдохнуть.

Он направился к машине, но на полпути обернулся.

— Идёте?

Я посмотрела на море, на скалы, на эту тихую, спокойную красоту, которая так не вязалась с тем хаосом, что творился в моей душе. Потом перевела взгляд на Демьяна. Он стоял, прислонившись к внедорожнику, и терпеливо ждал.

— А вы всегда такой... – я запнулась, подбирая слово, – заботливый с невестами, которых подбираете на парковках?

Он чуть склонил голову, и его лицо показалось мне красивым. Не той гладкой, кукольной красотой, как у Алексиса, а мужской, зрелой, выточенной временем.

— Только с теми, кто швыряет бриллиантовые кольца в ослиный навоз, – ответил он.

Я рассмеялась.

— Кстати, – я сделала шаг к нему, – я так и не сказала: спасибо. Правда. Вы появились в тот момент, когда я... не знаю, что бы я сделала. Может, наделала бы ещё больше глупостей.

— Вы уже сделали одну, – сказал он, открывая передо мной дверцу. – Вышли замуж не за того человека.

Я села в машину, и он захлопнул дверцу. Обойдя внедорожник, устроился на водительском сиденье, и мы снова поехали. Только теперь уже в гору, по извилистой дороге, среди кипарисов и оливковых рощ.

— Демьян? – спросила я тихо, когда впереди показались огни дома, стоящего на вершине холма.

— М?

— У вас всегда есть готовый ответ на всё?

Он бросил на меня короткий взгляд.

— Нет, – сказал он. – Просто сегодня у меня был хороший вечер.

Я хотела спросить, что он имеет в виду, но машина уже въезжала в распахнутые ворота, и передо мной открылся дом.

Белый, двухэтажный, с огромными окнами, выходящими на море. Внутри горел мягкий свет, а из открытых дверей пахло деревом и чем-то ещё, что я не могла определить.

— Выходите, – сказал Демьян, глуша двигатель. – Душ, кофе и отдых. Всё остальное подождёт до утра.

Я вышла из машины, поднимая подол испачканного платья, и вдруг поняла, что совсем не боюсь этого незнакомца.

Не боюсь его дома, его вопросов, его молчания. Впервые за этот долгий, кошмарный день я чувствовала что-то, кроме боли и унижения.

Я чувствовала... надежду.

Совсем крошечную, едва заметную, как огонёк свечи на ветру. Но она была.

— Спасибо, – сказала я, глядя в его тёмные глаза, в которых отражался свет из окон. – Вы даже не знаете, насколько.

— Знаю, – ответил он тихо. – Идёмте. Кофе остынет.

Глава 5

Демьян

Я ехал на эту свадьбу как на задание.

Не в прямом смысле, конечно. Никаких спецслужб, никаких контрактов. Просто дело чести. Или, если хотите, дело мести за сестру.

Три года назад Наташа, моя младшая сестра, вернулась из Греции разбитая, опустошённая и с таким взглядом, который я не забуду до конца своих дней. Она тогда сказала только одно:

«Он сказал, что это ничего не значит. Просто физиология».

Я не понял. А когда понял, было поздно. Алексис Пападопулос красивый, обаятельный, с улыбкой, которая открывала любые двери женился на ней, ободрал её, как липку, выжал всё, что можно было выжать из приданого, а через два месяца после свадьбы она застала его в постели с другой. С той, кого его мать называла «славной девочкой».

Я тогда хотел приехать. Сломать ему нос. Или позвоночник. Но Наташа запретила.

– Не надо, Демьян, – сказала она, глядя в пол. – Он того не стоит. И я сама виновата. Надо было лучше смотреть.

А потом замкнулась, перестала выходить из дома. Тогда родители решили отвезти ее психологу. Всего полгода и она вроде как пришла в себя и даже простила того грека.

Вот только я... не простил.

Я просто ждал.

Ждал, когда этот грек снова полезет на рынок невест. И онлез. Через год. Мне сообщили знакомые в Афинах: Пападопулос женится. На русской. Её зовут Любава Останина. Фотограф из Москвы. Девушка творческая, не бедная, но и не богатая. Родители – обычные люди, никаких миллионов. Значит, не деньги ему нужны? Что же тогда?

Я начал копать. И нашёл.

Он уже был женат три раза. Моя Наташа была третьей. Первая – гречанка, дочка владельца сети отелей. От неё он получил кругленькую сумму на развитие семейного бизнеса. Вторая – итальянка, наследница виноградников. Тоже неплохо погрелся. С каждой он разводился тихо, без скандалов, оставляя женщинам разбитые сердца и пустые счета. А сам при этом становился всё богаче.

Но с русскими у него был особый подход. Он знал, что русские девушки – романтичные, доверчивые, готовые ради любви на всё. Он дарил им сказку, вёл к алтарю, а потом...

«Это ничего не значит. Просто физиология».

Я поклялся, что в этот раз у него ничего не выйдет. Что я буду там. Что я вытащу эту девушку из его лап, даже если придётся устроить скандал на всю Грецию.

Но всё пошло не по плану.

Я выехал из Афин в семь утра. Свадьба была в Нафплионе, в ресторане «То Лимáni», начало венчания — в час дня. Я рассчитывал приехать за час-полтора до церемонии, найти жениха, посмотреть ему в глаза и сказать: «Алексис, помнишь Наташу? Её брат хочет с тобой поговорить». А там — по обстоятельствам. Может, просто припугнуть. Может, вывести на чистую воду перед гостями. Может, просто показать, что за этой невестой есть кому заступиться.

Но в машине вдруг замигал датчик топлива. Я выругался. Заправился на первой же станции, но потерял сорок минут. Потом, выезжая из Коринфа, попал в пробку. Греческие пробки это отдельный вид искусства. Кто-то решил, что двухполосная дорога это отличное место, чтобы припарковаться и пойти пить кофе. И все дружно поддержали.

Я сидел за рулём, смотрел на часы и чувствовал, как во мне закипает злость.

Час дня. Венчание началось.

Я всё ещё стоял в пробке.

Два часа. Я только выехал на трассу.

Три. Я был в Нафплионе, но ресторан на другом конце города, а улицы узкие, и какая-то свадебная процессия перекрыла движение. Чья бы это могла быть? Ах да, его.

Ресторан гудел. Гости танцевали, пили, кричали «Опа!». Свадьба была в самом разгаре. Я понял, что опоздал. Опоздал к венчанию. Опоздал сказать ему всё в лицо до того, как он надел ей кольцо на палец.

Я стоял у ворот, смотрел на этот праздник жизни и чувствовал, как кулаки сжимаются сами собой. Не успел.

Чёрт возьми, я не успел. Наташа будет разочарована. Нет, Наташа ничего не узнает. Я ей не говорил, что еду. Не хотел беречь старые раны.

Я уже развернулся, чтобы уйти, когда услышал крики.

Они доносились откуда-то с заднего двора. Женский голос, надрывный, истеричный. Потом мужской — злой, требовательный. А потом я увидел её.

Она стояла у загона с осликами, вся дрожащая, с кольцом в руке. А он что-то кричал ей, протягивал руки, и я видел, как она колеблется. Секунда — и она могла бы передумать. Могла бы простить. Поверить. Остаться.

Я не дал ей этого шанса.

Я нажал на газ. Внедорожник взревел, влетел на парковку у ворот, остановился. Я выскочил из машины и быстрым шагом направился к заднему двору. Увидел её — она стояла спиной ко мне, Алексис напротив, грязный, жалкий, с мольбой в глазах.

— Любава, не уходи! — кричал он. — Я люблю тебя! Это ничего не значит!

Я подошёл ближе. Она не слышала меня или не хотела слышать. Вся её фигура выражала такое напряжение, будто она стояла на краю обрыва.

— Не трогай меня, — услышал я её тихий, надрывный голос. — Не прикасайся ко мне этими руками.

Алексис сделал шаг, и тогда я вышел из тени.

— Чёрт возьми, — сказал я, глядя на неё. — Вы живы?

Алексис что-то орал за спиной, но я его не слушал. Я смотрел на неё. На её платье, которое ещё утром наверняка было белым, а теперь — в пыли и грязи. На её руки, которые тряслись. На её лицо, с которого смыло всю ту иллюзию, что он ей подарил.

— Садитесь, — сказал я.

Она смотрела на кольцо, потом на него, потом на меня. И я видел, как внутри неё идёт борьба. Всё, чему её учили: будь терпеливой, прощай, дай второй шанс, семья — это святое. Всё это тянуло её обратно.

Но она сделала правильный выбор.

Кольцо упало на землю. Она развернулась и шагнула ко мне.

Я аккуратно приподнял ее и прижал к себе.

Она была лёгкой, как перо, и холодной, как лёд. Она вцепилась мне в плечо, и я почувствовал, как её пальцы дрожат. Всё тело дрожало. Я посадил её в машину, захлопнул дверцу, отсекая этот кошмар.

Она смотрела в окно на него, стоящего на коленях с кольцом в руке, и я видел, как по её щекам текут слёзы. Я завёл двигатель.

— Держитесь, — сказал я.

Мы уехали.

Я вёз её на пляж, потому что сам когда-то после тяжёлого разрыва уехал к морю. Вода смывает всё. Или хотя бы даёт иллюзию, что можно начать сначала. Она молчала всю дорогу, и я не торопил. Ей нужно было переварить то, что случилось. А может, просто выплакаться.

На пляже она вышла из машины и замерла. Смотрела на море, на скалы, и я видел, как её плечи постепенно расслабляются. Вода делала своё дело.

Она начала говорить. Сбивчиво, надрывно, срываясь на слёзы. Про любовь, про доверие, про то, как оставила всё ради него. Я слушал и думал о Наташе. Она говорила почти теми же словами. Те же интонации, те же слёзы, та же боль. Будто Алексис пользовался одним сценарием.

Я протянул ей платок и воду.

— Я такая дура, – прошептала она, вытирая лицо ладонями.

— Вы не дура, – ответил тихо. – Вы просто верили и любили.

Она посмотрела на меня.

— Выпейте воды. Станет полегче.

Она спросила, кто я. Я не стал вдаваться в подробности. Не время. Не место. И не тот разговор, который нужно вести, когда девушка только что разбила свою жизнь вдребезги.

— Я знаю, вас зовут Любава, – сказал я. – Вы сегодняшняя невеста. И, кажется, вам нужно принять душ и выпить кофе. У меня есть дом на горе. Поехали?

Глава 6

Любава

Я проснулась оттого, что кто-то настойчиво пытался меня разбудить.

Сначала это был свет – слишком яркий, слишком наглый, он лез сквозь веки, заставляя морщиться. Потом был запах кофе. Свежий, густой, с нотками кардамона. А затем услышала мужской голос, но не тот, который ожидала.

— Любава? Вы проснулись?

Я открыла глаза и увидела белый потолок. Белые стены и шторы, колышущиеся от ветра. За окном раскинулось синее и бескрайнее море, с золотой полосой от утреннего солнца.

Где я?

И тут вчерашний день обрушился на меня лавиной воспоминаний. Алексис, София, ослики, навоз. Кольцо, упавшее в солому. Руки незнакомца, спасшего меня. Море. Дом на горе.

Демьян.

Я резко села на кровати, оглядываясь. Гостиная комната оказалась огромной – больше, чем вся моя московская студия. Кровать с белоснежным бельём, в котором я утонула вчера вечером. Высокие окна во всю стену. А на прикроватной тумбочке – чашка кофе, стакан воды и записка.

Я потянулась к записке, но в этот момент дверь открылась.

На пороге стоял Демьян. Мой вчерашний спаситель. А сегодня просто мужчина в светлой рубашке с закатанными рукавами и тёмных брюках. Без вчерашнего полумрака, без игры света и теней, он выглядел... другим. Моложе, что ли? Или просто более человечным.

— Доброе утро, — сказал он, входя в комнату с подносом в руках. — Как спалось?

Я хотела ответить что-то вежливое, но из горла вырвался только хриплый звук. Горло саднило – вчерашние крики, слёзы, истерика дали о себе знать.

— Выпейте воды, — сказал он, ставя поднос на тумбочку. — И кофе. Кофе здесь хороший.

Я послушно взяла стакан, сделала глоток, потом ещё один. Вода была холодной, с ломтиком лимона, но она будто возвращала меня к жизни.

— Спасибо, — прошептала, чувствуя, как голос звучит хрипло и неестественно. — Я... вчера...

— Вчера вы отлично поужинали, выпили кофе, приняли ванну и уснули прямо в халате, — спокойно перебил он. — Я накрыл вас одеялом. Надеюсь, вы не замёрзли.

Я опустила глаза. На мне действительно был халат — махровый, мягкий, явно мужской. Под ним – ничего. Я вспомнила, как Демьян позвал какую-то женщину, экономку, наверное и та помогла мне раздеться. А потом я просто вырубилась. Провалилась в чёрную, бездонную пустоту без снов.

— Я... спасибо, — повторила я, чувствуя, как глупо это звучит. — За всё.

— Не за что, — он кивнул на чашку с кофе. — Пейте. Потом спуститесь вниз. Там вас кое-кто ждёт.

— Кто? — насторожилась я и внутри все сжалось.

— Адвокат, — сказал он, и в его голосе мне почудилась странная нотка удовлетворения. — Вам нужно кое-что узнать о вашем браке.

Сердце пропустило удар.

— О браке? — переспросила я. — Но мы же...

— Просто спуститесь, — мягко, но настойчиво сказал он. — И выпейте еще кофе. Оно хорошо бодрит. Вам понадобятся силы.

Он вышел, закрыв за собой дверь, а я осталась сидеть на кровати, чувствуя, как внутри закипает тревога. Что он имел в виду? Что за адвокат? Что не так с моим браком?

Я сделала несколько глотков кофе. Он действительно был хорош, крепкий, с лёгкой горчинкой, и на ватных ногах побрела в ванную.

Через десять минут, чистая, причёсанная, в белом халате (другой одежды у меня не было, кроме грязного и порванного свадебного платья), я спустилась вниз. Демьян ждал меня в гостиной. Рядом с ним сидел мужчина в строгом костюме, с папкой в руках и серьёзным выражением лица.

— Любава, это Георгиос, мой хороший друг и адвокат, — представил Демьян. — Он занимается делами, связанными с греческим законодательством.

— Присаживайтесь, кирия Останина, — сказал адвокат с лёгким акцентом. — Нам нужно обсудить ваш брак.

Я села на диван напротив, чувствуя, как руки начинают дрожать.

— Что не так с моим браком? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо.

Адвокат открыл папку, достал какие-то бумаги, разложил их перед собой.

— Брак, заключённый между вами и Алексисом Пападопулосом вчера, не имеет юридической силы, — сказал он.

Я уставилась на него, не веря своим ушам. Холод пробежал по спине, оставляя за собой тысячи проснувшихся мурашек.

— То есть как не имеет? — переспросила я. — Мы венчались. Священник надел нам венцы, кольца. Я подписала все документы...

— Венчание в Греции, безусловно, имеет религиозную силу, — кивнул адвокат. — Но для того, чтобы брак считался действительным с юридической точки зрения, необходимо, чтобы все документы были оформлены правильно. В вашем случае... — он сделал паузу, перелистывая страницы, — этого не произошло. Поэтому ваш брак считается недействительным.

Глава 7

— Что значит наш брак считается недействительным? – Я почувствовала, как внутри всё холодеет. – Я подписывала бумаги!

— Вы подписывали, – согласился адвокат. – Но подпись жениха отсутствует. Вернее, она есть, но выполнена не тем человеком.

Я не понимала. Совсем. Голова шла кругом.

— Объясните по-человечески, – попросила я, чувствуя, как к горлу подступает тошнота. Адвокат посмотрел на Демьяна. Тот кивнул.

— Кирия Останина, – адвокат откашлялся, – Алексис Пападопулос не подписывал брачные документы. Подпись поставил его кузен, который присутствовал на церемонии. Согласно греческим законам, брак, заключённый без личной подписи жениха, может быть признан недействительным. Особенно если есть доказательства того, что подпись была подделана.

Я сидела, не в силах пошевелиться. В голове гудело.

— Зачем? – прошептала я. – Зачем ему это?

Демьян, который до этого молчал, подал голос:

— Чтобы у вас не было прав на его имущество. Чтобы брак можно было легко аннулировать, когда он вам надоест. Или когда вы станете ему не нужны.

Я посмотрела на него. Его лицо было спокойным, но в глазах горел холодный огонь.

— Это... это правда? – спросила я у адвоката.

— У нас есть все основания полагать, что это так, – кивнул тот. – Экспертиза почерка подтвердит. Кроме того, мы нашли свидетеля, который видел, как кузен Алексиса ставил подпись вместо жениха.

Я закрыла лицо руками.

Всё это было слишком. Слишком. Вчерашняя измена. Сегодняшнее известие о фальшивом браке. Он не просто изменил мне, он даже не собирался жениться по-настоящему. Я для него была... кем? Игрушкой? Очередной дурочкой, которую можно обмануть, использовать и выбросить?

— Я не понимаю, — прошептала я, поднимая голову. — Зачем все так сложно? Зачем венчание, гости, родители, если он с самого начала не собирался...

— Это его схема, – сказал Демьян. Голос его был твёрдым, но в нём чувствовалась какая-то странная, сдержанная злость. – Он уже так делал... и не раз.

Я посмотрела на него.

— Откуда вы знаете?

Он помолчал. Я видела, как его челюсть сжалась, как на скулах заиграли желваки.

— Моя сестра, – сказал он наконец. – Наташа. Она была его третьей женой.

Мир снова рухнул. Громко и треснул напополам, подмяв меня под собою.

— Что? – выдохнула я.

— Он женился на ней три года назад, – продолжил Демьян, и я ощущала кожей, что каждое слово давалось ему с трудом. – Точно так же. Красивая свадьба. Клятвы в вечной любви. А через два месяца она застала его с другой. С той самой Софией. Он сказал ей те же слова: «Это ничего не значит. Просто физиология». И брак их был таким же фальшивым, без его подписи.

Я смотрела на него, и перед глазами всё плыло.

— Но зачем? – снова спросила я, чувствуя, как голос срывается на крик. – Зачем ему это всё? Деньги? Но у меня не так много их!

— Не только деньги, – Демьян встал, подошёл к окну, встал спиной ко мне. – Он получает удовольствие от самого процесса. От того, что влюбляет в себя женщин, а потом разбивает

им сердца. Ему нравится власть. Нравится чувствовать, что он может сделать с человеком всё, что захочет.

Я вспомнила вчерашнее лицо Алексиса. Его растерянность. Его мольбы. Его попытки купить меня домом и машиной.

А потом я вспомнила кое-что ещё.

— Он говорил... — начала я медленно, пытаюсь собрать обрывки воспоминаний. — Ещё до свадьбы. Он сказал, что у него было какое-то «старое дело». И что какая-то девушка чуть не убила из-за него. Я не придавала значения тогда. Думала, он преувеличивает или шутит.

Я подняла глаза на Демьяна. Он медленно повернулся ко мне.

— Какая девушка? — спросил он тихо. Голос стал низким, почти шёпотом. — Он называл имя?

— Нет, — я покачала головой, чувствуя, как внутри всё сжимается от его реакции. — Он сказал только: «Она была слишком эмоциональной. Хорошо, что всё обошлось».

Демьян закрыл глаза.

Я видела, как задрожали его руки. Как он сжал кулаки, чтобы унять эту дрожь. Как тяжело, с каким трудом он сделал вдох.

— Демьян? — осторожно позвала я. — Что случилось?

Он открыл глаза. И в них было столько боли, что у меня перехватило дыхание.

— Моя сестра, — сказал он, и голос его сорвался. — Она тоже пыталась. После того как все это случилось... она наглоталась таблеток.

Воздух в комнате стал вязким, тяжёлым. Я не могла дышать.

— Её спасли. Скорая приехала вовремя. Промыли желудок. Откачали. Но если бы отец не вернулся домой на час раньше... — он замолчал, сжав челюсть так, что желваки заходили ходуном. — Если бы он опоздал...

Он не договорил. Не смог.

— Она не рассказывала мне, — продолжил он через несколько секунд. — Я узнал от родителей. Через месяц. Когда приехал в Грецию, она уже была на антидепрессантах и не хотела никого видеть. Даже меня. Особенно меня — потому что я не смог её защитить.

— Вы же не знали, — тихо сказала я.

— Должен был знать, — он посмотрел на меня, и в его глазах горела такая ярость, что мне стало страшно. — Я должен был приехать раньше. Должен был разобраться с этим ублюдком ещё тогда. Но она запретила. Сказала: «Не надо, он того не стоит». А сама чуть жизнь себя не лишила.

Он отвернулся к окну, и я видела, как его плечи напряжены, как он борется с собой.

— Георгиос, — сказал он, не оборачиваясь, — проверь. Были ли у Пападопулоса другие женщины, которые пытались покончить с собой. Я хочу знать всё. Каждую. Каждую, кого он сломал.

Глава 8

— Сделаю, – тихо ответил адвокат и начал собирать бумаги.

Я сидела, вжавшись в диван, и чувствовала, как по щекам текут слёзы. Не за себя. За эту неизвестную девушку, которая чуть не умерла из-за Алексиса. За Наташу. За всех, кто поверил этому красивому лицу, этим сладким речам, этим пустым обещаниям.

— Демьян, – я встала и сделала шаг к нему. – Мне жаль. Мне правда очень жаль.

Он не обернулся.

— Вы не виноваты, – глухо сказал он. – Ни вы, ни она. Виноват только один человек и он ответит.

В комнате повисла тишина. Я стояла в халате, босиком на холодном полу, и смотрела на его широкую спину, на сжатые кулаки, на напряжение, которое, казалось, вот-вот разорвёт его изнутри.

— Она сейчас как? – спросила я тихо.

— Лучше, – ответил он после паузы. – Гораздо лучше. Вышла замуж. Живёт в Петербурге. Радуется жизни. Но шрамы остались.

Он наконец повернулся ко мне. Его лицо было спокойным, но глаза всё ещё горели.

— Поэтому я и приехал на вашу свадьбу, – сказал он. – Я знал, кто такой Алексис. Знал, что он за человек. И не хотел, чтобы вы стали его очередной жертвой.

— Вы хотели меня предупредить? – удивилась я.

— Хотел вытащить вас оттуда. До того, как он успеет сделать вам больно. Но опоздал. Опоздал к венчанию, опоздал сказать вам правду до того, как вы надели кольцо. Зато успел к финалу.

Я горько усмехнулась.

— К финалу, который он сам устроил.

— Он всегда сам всё рушит, – Демьян покачал головой. – Это его главная слабость. Ему мало просто обмануть, ему нужно все уничтожить. Доказать, что он может всё. Что он сильнее других. Что люди для него это просто игрушки.

— Но вы же... – я запнулась, – вы знали про него. Знали, что он делает. Почему не остановили раньше? Почему не рассказали полиции?

Демьян тяжело вздохнул.

— Потому что он умён. Все его браки оформлены так, что формально он ничего не нарушает. Подписи подделывают другие, деньги перетекают через счета, до которых не докопаться. А женщины... они молчат. Кому-то стыдно. Кому-то больно и страшно. Им кажется, что они сами во всем виноваты.

Он посмотрел на меня.

— Вы первая, кто не стал молчать. Кто бросил кольцо ему в лицо и ушёл. Моя сестра не смогла. Другие, наверное, тоже. А вы, молодец, смогли.

Я опустила глаза, потому что его взгляд обжигал.

— Я не смогла бы, если бы вы не появились.

— Смогли бы, – твёрдо сказал он. – Вы уже всё решили до того, как я подъехал. Я просто дал вам возможность уйти красиво.

Я посмотрела на него. Он стоял напротив, серьёзный, сосредоточенный, и в его взгляде не было ни жалости, ни снисхождения. Только уважение и что-то еще, от чего мурашки бежали по спине.

— Снимите халат, – сказал он в приказном тоне и мне показалось, что вся краска сошла с моего лица.

Я замерла.

— Что простите?

— Халат снимите, – повторил он, и уголок его губ чуть дрогнул. – Не здесь, конечно. Идите наверх, переоденьтесь. Я приказал купить вам одежду, она должна быть уже в вашей комнате. И мы подумаем, как вам вернуться домой.

— Домой? – переспросила я. Голос дрогнул. – У меня нет больше дома. Я продала квартиру в Москве. Продала свой бизнес. Я... – я замолчала, чувствуя, как к горлу подкатывает новый ком.

— Тогда, – Демьян подошёл ближе, и я почувствовала запах его одеколона, подумаем, как вам построить новый.

— Я ничего не понимаю, – прошептала я. – Зачем вы это делаете? Зачем вам помогать мне?

Он замолчал. Отвернулся и отошел к окну. Кажется, он обдумывал свой ответ. Я уже решила, что он не ответит, но он продолжил.

— Моя сестра, – сказал он наконец. – Она не смогла бы начать сначала, если бы кто-то не протянул ей руку. Я не успел тогда. Когда я узнал обо всём, она уже сидела на антидепрессантах и не хотела выходить из дома. Я не успел её спасти. Но вас я спасу и помогу встать на ноги, как не помог своей сестре.

Он замолчал. Я смотрела на него и видела боль. Глубокую, давнюю, которую он привык не показывать.

— Идите, – повторил он мягко. – Переоденьтесь и спускайтесь завтракать. Сегодня будет долгий день.

Я кивнула, не в силах говорить. Развернулась и пошла к лестнице, чувствуя, как где-то в глубине зарождается чувство уважения и симпатии.

Я поднялась в свою комнату, закрыла дверь и прислонилась к косяку. Сердце колотилось где-то в горле. В ушах всё ещё звучали слова Демьяна:

«Он получает удовольствие. Ему нравится власть».

И другое: «Моя сестра тоже пыталась. Наглоталась таблеток».

Я вспомнила Алексиса, его улыбку, нежные слова и обещания. Но в его глазах всегда была пустота, когда он говорил: «Это ничего не значит. Это просто физиология».

Всё оказалось ложью. Поддельная подпись на брачном договоре, фальшивые клятвы, слова любви. Всё было обманом. И девушка, которая едва не умерла. Две девушки. Возможно, больше.

Я посмотрела на кровать. Там лежали несколько пакетов – одежда, которую Демьян велел купить. Я подошла, вытряхнула содержимое.

Простые вещи: джинсы, футболка, лёгкий свитер, бельё, даже домашние тапочки. Всё моих размеров. Он успел всё продумать.

Я переоделась, чувствуя, как привычная ткань возвращает меня к реальности. Я больше не невеста. Я просто женщина в джинсах и футболке. Женщина, у которой нет ничего: ни мужа, ни дома, ни работы, ни даже паспорта, оставшегося в чемодане в ресторане.

Но у меня есть свобода. И, кажется, есть человек, который готов помочь. А ещё родители, которые, наверняка беспокоятся обо мне.

Я подошла к окну. Посмотрела на море, оно было синее, спокойное и бесконечное.

– Всё будет хорошо, – сказала я себе. – Не сейчас, но обязательно будет.

Я закрыла глаза и вдохнула полной грудью. Впервые за долгое время – без страха и без лжи. Без человека, который сказал, что любит меня, а сам даже не потрудился поставить подпись под нашим браком.

Я была свободна и это было лучшее чувство на свете.

Глава 9

Демьян

Я смотрел, как она поднимается по лестнице. Белый халат, босые ноги, распущенные волосы, которые она так и не собрала. Она двигалась медленно, будто каждый шаг давался ей с трудом. И я понимал почему.

Вчерашний день выжал из неё всё. Сегодня она держалась на одном только адреналине и, кажется, на чистом упрямстве.

Хорошее качество. Оно ей пригодится в жизни.

— Георгиос, друг мой, – сказал я, когда её шаги затихли наверху. – Останься.

Адвокат, который уже начал собирать папку, поднял на меня глаза.

— Что-то ещё?

— Есть разговор.

Я прошёл в гостиную, сел в кресло напротив. Георгиос последовал за мной, отложил папку в сторону. Мы знали друг друга десять лет, и он умел читать меня без лишних слов.

— Ты хочешь что-то предложить, – сказал он, глядя на меня поверх очков. – И это что-то связано с ней.

Умный мужик.

— Она ключ, – сказал я. – Ключ к тому, чтобы посадить этого ублюдка.

Георгиос снял очки, потер переносицу.

— Демьян, я понимаю твои чувства, но у нас недостаточно доказательств. Поддельная подпись это, безусловно, статья. Но адвокаты Пападопулоса сделают всё, чтобы представить это как техническую ошибку. Максимум будет штраф, возможно – условный срок. Может быть, даже небольшая компенсация.

— А если добавить к этому покушение на доведение до самоубийства?

Георгиос посмотрел на меня внимательно.

— Ты говоришь о Наташе?

— И не только. Любава вспомнила сегодня утром. Алексис сам рассказывал ей про какую-то девушку, которая «чуть не убилась» после него. Он сказал это между делом. С улыбкой. Словно это забавный анекдот.

Я сжал кулаки так, что костяшки побелели.

— Если таких девушек несколько... если есть показания хотя бы двух-трёх потерпевших... плюс подделка документов, плюс мошенничество...

— Тогда дело может сдвинуться с мёртвой точки, – закончил Георгиос. – Но для этого нужны свидетельские показания. Официальные. В греческом суде.

— Любава может их дать.

— Может, – кивнул адвокат. – Но у неё нет статуса потерпевшей. Брак признан недействительным, значит, формально она для закона – просто девушка, которую обманули. Её показания будут рассматриваться как свидетельские, но не более того.

Я молчал, обдумывая его слова.

— А если она станет женой? – спросил я. – Не его... моей.

Георгиос замер. Посмотрел на меня так, будто я только что предложил ограбить банк.

— Ты серьёзно?

— Вполне.

— Демьян, это... – он помолчал, подбирая слова, – не совсем стандартное решение.

— Статус жены гражданина Греции, – начал перечислять я, загибая пальцы, – даёт ей право на официальное разбирательство в суде как потерпевшей стороне. Она сможет подать иск о моральном ущербе. Её показания получат вес. Плюс, она остаётся в стране на законных

основаниях, пока идёт следствие. Ей не нужно будет возвращаться в Россию с пустыми руками и разбитым сердцем.

Георгиос молчал. Я видел, как он обдумывает мои слова.

— И для неё это защита, – добавил я. – Пападопулос не отстанет. Я знаю этого человека. Его самолюбие уязвлено. Невеста сбежала, бросила кольцо, уехала с другим мужчиной. Для него это удар. Он захочет вернуть контроль, доказать, что он главный. Он попытается сделать ей больно, если сможет. Вот только я не позволю.

Георгиос вздохнул.

— Ты уверен, что это не... личное? Не то, что между вами возникает?

Я посмотрел на него. Вопрос был прямым, и я заслуживал его.

— Она мне нравится, – сказал я честно. – Она сильная. У неё есть стержень. И она не побоялась бросить ему в лицо правду, когда другие молчали. Это вызывает уважение. Но я не собираюсь пользоваться её положением. Брак будет формальным. Только на бумаге. Пока не закончится суд.

— А если она не согласится?

Я посмотрел в сторону лестницы, где минуту назад исчезла Любава.

— Тогда придумаем что-то другое. Но я должен ей предложить. Я хочу дать ей выбор.

Георгиос надел очки, взял папку.

— Ты знаешь, что я тебя поддерживаю, но будь осторожен. Она сейчас в уязвимом состоянии.

Пожалуйста, только не навреди.

— Не наврежу, – пообещал я. – Я не Алексис.

Георгиос усмехнулся, поднимаясь.

— Это точно. Ладно, я поеду. Начну собирать информацию по другим девушкам. Если их действительно несколько, у нас есть шанс.

Он пожал мне руку и направился к выходу.

Я остался один.

Подожёл к окну, посмотрел на море. Оно было спокойным, почти зеркальным. Вчерашний шторм утих. Как и тот, что бушевал во мне три года.

Наташа.

Я вспомнил лицо сестры, когда приехал в Афины через месяц после того, как всё случилось. Она сидела на балконе, укутанная в плед, и смотрела в одну точку. Не плакала. Не говорила. Просто смотрела. И в её глазах была такая пустота, что мне стало страшно.

Я тогда сказал: «Я убью его».

Она ответила: «Не надо. Он не стоит того».

А я не послушал. Я хотел приехать к нему, сломать ему лицо, заставить его ответить за всё. Но Наташа попросила родителей не отпускать меня. Они держали меня в Москве полгода, пока она не пришла в себя. А когда я наконец смог вырваться, было уже поздно. Следов не осталось, документы были чисты. А сам Пападопулос смотрел на меня на каком-то приёме с такой улыбкой, будто говорил: «Попробуй докажи».

Я не забыл эту улыбку и не простил. Я никогда не прощу.

Теперь у меня появился шанс. Не просто наказать его, а спасти ту, которая могла стать следующей жертвой или уже стала.

Я услышал шаги на лестнице.

Обернулся.

Любава спускалась вниз. В джинсах, футболке, с влажными волосами, которые она собрала в небрежный пучок. Она выглядела лучше, чем утром. Бледность ещё не сошла, но глаза уже не были такими пустыми. В них появилось что-то живое. Настороженность? Любопытство?

— Выглядите отлично, – сказал я, и это было правдой.

Она слабо улыбнулась.

— Спасибо за одежду. Вы всё предусмотрели.

— Я привык всё просчитывать, – ответил я, кивнув на кресло. – Садитесь, Любава.

Нам нужно поговорить. Она села, и я увидел, как её пальцы впились в подлокотник. В воздухе повисло напряжение. Она готовилась к чему-то непростому и не ошиблась.

— Я хочу предложить вам кое-что, – начал я, садясь напротив. – Это может показаться странным, даже безумным. Но у меня нет другого способа защитить вас и наказать его.

Она смотрела на меня, не мигая.

— Я хочу, чтобы вы стали моей женой.

Глава 10

Демьян

Тишина. Такая густая, что я слышал, как за окном шумит море.

— Что? — выдохнула Любава и мне показалось, что она покачнулась. Краска сошла с ее лица. — Что вы хотите?

— Фиктивный брак, — быстро добавил я, делая шаг в ее сторону. — Только на бумаге. Только на время. Не по-настоящему.

Она смотрела на меня, и я видел, как её глаза отражали сменяющиеся эмоции. Удивление, недоверие, страх, облегчение — всё это за секунду промелькнуло в её взгляде.

— Зачем? — спросила она, и голос её дрогнул. — Зачем вам это нужно?

Я наклонился вперёд, стараясь говорить спокойно и убедительно.

— Сейчас у вас нет юридического статуса в Греции. Брак с Алексисом признан недействительным, а значит, вы для закона — чужестранка, ненужный человек, которому лучше покинуть страну в ближайшее время. Ваши показания будут иметь вес, но не такой, как если бы вы были потерпевшей стороной. А для этого нужно, чтобы вы имели официальный статус в стране. Статус жены гражданина Греции даёт вам право подать иск о моральном ущербе, участвовать в разбирательстве на равных и оставаться в стране на время следствия.

Она молчала, переваривая информацию.

— Вы говорите о мести, — тихо сказала она.

— Я говорю о справедливости, — поправил я. — Пападопулос разрушил жизнь моей сестры. И, возможно, не только её. Если мы сможем доказать, что это система — поддельные браки, мошенничество, психологическое насилие, — он сядет. Надолго. А вы получите защиту и время, чтобы встать на ноги.

— Защиту от чего? — она прищурилась.

— От него, — ответил я. — Вы бросили ему кольцо в лицо и ушли с другим мужчиной. Для Алексиса это не просто поражение. Это унижение. Он захочет вернуть контроль. Он будет звонить, писать, угрожать. Возможно, пришлет свою мать или адвокатов. Он не отстанет, пока не докажет себе, что вы слабее. Что он всё ещё может вами управлять. Алексис думает, что вы не осведомлены о недействительности брака. Для него вы — официальная жена, которая исчезла. Вероятно, с любовником. Это дает ему шанс обвинить во всем вас.

Я видел, как побелели её пальцы, сжимающие подлокотник. И как мелкая морщинка пролегла между бровей.

— А если я соглашусь, — спросила она медленно, — что я получу? Кроме защиты и статуса?

— Всё, что нужно, чтобы начать новую жизнь, — сказал я. — Время. Деньги на первое время. Помощь в возвращении в Россию, если вы этого захотите. Или в том, чтобы остаться здесь и открыть что-то своё. Вы фотограф, насколько я знаю. В Греции всегда нужны хорошие свадебные фотографии.

Она усмехнулась. Горько, но в этой усмешке уже не было той безысходности, что вчера.

— Свадебные фотографии, — повторила она. — Это очень иронично.

— Жизнь вообще иронична, — согласился я. — Но иногда она даёт второй шанс.

Любава замолчала. Я видел, как она думает. Как взвешивает все за и против. Хороший знак. Значит, она не впала в отчаяние. Значит, она всё ещё способна принимать решения.

— И как это будет выглядеть? — спросила она наконец. — Этот... фиктивный брак?

— Распишемся в мэрии. Без гостей, без платья, без венцов. Только вы, я и два свидетеля. После этого вы получаете временный вид на жительство и официальный статус. Мы подаём иск против Алексиса. Вы даёте показания в суде. Всё.

— А потом?

— Потом, когда всё закончится, мы разводимся. Вы получаете компенсацию. И мы идём каждый своей дорогой.

Она смотрела на меня. Долго. Так, будто пыталась прочитывать что-то на моём лице.

— Почему вы это делаете? — спросила она. — Только скажите правду. Не про сестру, про меня.

Я задумался. Мог бы сказать что-то красивое. О долге, о справедливости, о том, что не могу смотреть, как страдают невинные. Но она заслужила правду.

— Потому что вы могли сломаться, — сказал я. — Вчера. Когда увидели их. Когда он начал оправдываться. Когда сказал, что это ничего не значит. Вы могли заплакать, упасть на колени, умолять его объяснить, зачем он так с вами. Многие бы так и сделали.

Я помолчал.

— А вы бросили ему кольцо под ноги... и ушли. Не оглядываясь. Это дорогого стоит. Таких людей нужно беречь.

Она опустила глаза. Я заметил, как её ресницы дрожат.

— Я не героиня, — тихо сказала она. — Я просто не могла больше врать себе.

— Именно поэтому вы — та, кто мне нужен, — ответил я. — Вы не боитесь правды. Даже когда она разрушает всё, что вы строили.

Она подняла голову. В её глазах блеснули слёзы, но она не плакала.

— Мне нужно подумать, — сказала она. — Это... так неожиданно.

— Конечно, — кивнул я. — Время у нас есть. Неделя. Может, две. Пападопулос пока будет занят, ему нужно спасти свою репутацию перед гостями и родственниками.

Она встала, и я заметил, как её руки всё ещё дрожат.

— Я пойду наверх, — сказала она. — Мне нужно... побыть одной.

— Понимаю.

Она направилась к лестнице, но на полпути остановилась. Обернулась.

— Демьян?

— Да?

— Если я соглашусь... это будет законно? Я имею в виду, я не хочу снова оказаться в ситуации, когда всё окажется подделкой.

— Всё будет чисто, — ответил я. — Без обмана. Без подставных подписей. Вы сами увидите каждый документ. Я ничего от вас не скрываю. Мне это не нужно.

Она кивнула, будто проверяя что-то для себя.

— И ещё... — она замялась, — я хочу позвонить родителям. Они, наверное, с ума сходят.

— Телефон на столе в гостиной. Пользуйтесь. И не беспокойтесь о деньгах на звонки.

— Спасибо, — сказала она, и в этом «спасибо» было столько всего, что я понял: она не просто благодарит за телефон.

Она благодарит за то, что я дал ей шанс.

Я смотрел, как она поднимается по лестнице, и вдруг поймал себя на мысли, что хочу, чтобы она согласилась. Не только ради дела. Не только ради Наташи.

А просто потому, что этот мир стал чуть светлее с тех пор, как в нём появилась женщина, которая не побоялась бросить кольцо в лицо лжецу и уйти в ночь с незнакомцем.

Я подошел к окну и взглянул на море.

«Не навреди», — повторил я слова Георгиоса. «Только не навреди. И посмотри правде в глаза: эта женщина нужна тебе. Просто потому что...»

Я уже чувствовал, что тону в её глазах. Это было опаснее, чем любое дело против Алексиса Пападопулоса.

Глава 11

Любава

Я поднялась в свою комнату, закрыла дверь и прислонилась к ней спиной.

Сердце колотилось где-то в горле. Ладони вспотели. В ушах всё ещё звучали его слова:

«Я хочу, чтобы вы стали моей женой.

Фиктивной женой.

Только на бумаге.

Только на время.

А потом – мы идём каждый своей дорогой.»

Я сползла по двери вниз, обхватила колени руками и уставилась в одну точку на противоположной стене. В голове гудело, мысли разбегались, как тараканы при свете.

Что он только что мне предложил? Зачем? Зачем я ему?

Я закрыла глаза и попыталась успокоиться. Дышать. Ровно. Глубоко.

Вдох-выдох.

«Статус жены гражданина Греции даёт вам право подать иск о моральном ущербе, участвовать в разбирательстве на равных и оставаться в стране на время следствия».

Звучало разумно. Даже слишком разумно. Как будто он всё просчитал. Каждый шаг. Каждое слово.

Но зачем ему это? Правда! Дело ведь не в сестре, хотя и в ней тоже. Но сейчас речь обо мне.

«Потому что вы могли сломаться. А вы бросили ему кольцо под ноги и ушли. Не оглядываясь. Таких людей нужно беречь».

Я провела рукой по лицу. Стыдно признаться, но мне хотелось верить. Хотелось думать, что он говорит искренне. Что я действительно ему небезразлична. Не как свидетель по делу, не как инструмент для мести, а как... женщина.

Но разве можно доверять мужчинам после всего, что случилось? После Алексиса, который смотрел мне в глаза, клялся в любви и даже не потрудился поставить свою подпись под нашим браком?

— Нет, — прошептала я. — Нельзя. Никому нельзя верить.

Но в груди что-то сжалось. Протестующе. Обиженно.

Я открыла глаза и посмотрела на потолок. Белый. Чистый. Такой же, как вчера, когда я проснулась в этом доме в первый раз.

Интересно, сколько времени прошло? День? Два? Я потеряла счёт. Вчера была свадьба. Сегодня – предложение стать фиктивной женой другого мужчины.

Если бы мне кто-то рассказал такое год назад, я бы рассмеялась ему в лицо. Сказала бы, что это бред, сюжет для дешёвого романа. А теперь я сижу на греческом полу в комнате незнакомца и всерьёз обдумываю его предложение.

Я встала, подошла к окну.

Море было спокойным. Синим. Бесконечным. Чайки кружили над скалами, и ветер доносил их крики.

— Что мне делать? — спросила я у моря.

Море не ответило.

Я спустилась вниз через час. Или через два? Я не знала. Я просто сидела на кровати, смотрела в стену и пыталась собрать мысли в кучу.

Демьян был в гостинной. Он сидел в кресле с чашкой кофе и читал что-то на планшете. Когда я вошла, он поднял голову. Его взгляд был спокойным, выжидающим.

— Надумали? — спросил он и мягко улыбнулся.

Я покачала головой.

— Я не знаю, — честно сказала я. — Это слишком... безумно.

— Я понимаю.

— Вы понимаете? — я усмехнулась, чувствуя, как внутри закипает раздражение. — Вы только что предложили фиктивный брак женщине, которую знаете меньше суток. Какое, чёрт возьми, «понимаю»?

Он не обиделся.

Не вспыхнул.

Поставил чашку на стол и посмотрел на меня внимательно.

— Вы правы. Это безумие. Но других вариантов у нас нет. Либо вы соглашаетесь и получаете защиту и время, либо возвращаетесь в Россию с пустыми руками и надеждой, что он вас не найдёт.

— А он найдёт? — спросила я, чувствуя, как холодок пробегает по спине.

— Думаю, да, — ответил он без колебаний. — Рано или поздно. Алексис не терпит поражений. Он захочет доказать, что вы не имели права уходить. Что он всё ещё главный. Для него вы — собственность, которую украли.

Я вздрогнула. Собственность. Какое мерзкое слово.

— И что тогда делать? — спросила я тихо.

— Вам нужен муж, который сможет вас защитить, — сказал он. — Даже фиктивный.

Я замолчала, обдумывая его слова.

— Можно мне позвонить родителям? — попросила я. — Я должна... мне нужно с ними поговорить.

— Конечно, — он кивнул на телефон на столе. — Пользуйтесь.

Я взяла телефон, вышла на террасу и набрала мамин номер.

Гудки. Один. Второй. Третий. Я уже подумала, что мама не ответит, как вдруг:

— Аллю? — голос мамы был испуганным, хриплым. Она явно не спала всю ночь.

— Мам, это я, — сказала я, и слёзы снова потекли по щекам. — Мам, я в порядке. Не волнуйся.

— Любаша! Боже, дочка! Где ты? Что случилось? Мы обыскались тебя! Папа хотел заявление в полицию писать! А этот... Алексис... он сказал, что ты ушла с каким-то мужчиной! Что ты его бросила! Что у тебя кто-то есть!

Я закрыла глаза. Конечно. Конечно, он уже всё перевернул с ног на голову. Оказывается, это я ему изменила, а не наоборот. Подонок. Мерзавец!

— Мам, слушай меня внимательно, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо. — Алексис мошенник. Он изменял мне с самого начала. Брак наш недействителен — он подделал подписи. И я не одна такая. Он делал это раньше. С другими женщинами.

Мама молчала. Я слышала, как она дышит в трубку — тяжело, прерывисто.

— Я сейчас в безопасном месте, — продолжила я. — Мне помогают. Скажи папе, чтобы не волновался. Пожалуйста. Я позвоню ещё попозже и всё-всё расскажу. Но вы пока ничего не говорите Алексису. Не отвечайте на его звонки. Понятно?

— Поняла, — прошептала мама. — А ты... ты точно в порядке?

— Точно, — соврала я. — Я люблю вас. Скоро позвоню.

Я нажала отбой и прислонилась к перилам террасы. Всё тело трясло. Но внутри появилось что-то новое. Какая-то странная, твёрдая решимость.

Я больше не позволю собой управлять.

Я вернулась в гостиную. Демьян сидел на том же месте, но планшет уже отложил. Он смотрел на меня, и я поняла, что он ждал.

— Я согласна, — сказала я, глядя ему прямо в глаза. — Но с условиями.

Он приподнял бровь.

— Какими?

— Во-первых, я хочу видеть все документы. Все. До того, как что-либо подпишу.

— Договорились.

— Во-вторых, я хочу отдельную комнату. И никаких... — я замялась, подбирая слова, — никаких супружеских обязанностей. Даже понарошку.

Он усмехнулся. Краешком губ. Едва заметно.

— Я и не предлагал... эмм... подобное, — сказал он. — Это фиктивный брак. Только для твоей защиты, Любава. Я держу свое слово. Всегда.

Я кивнула и продолжила.

— В-третьих, — я сделала глубокий вдох, — я хочу знать правду. Всю. О моём муже. Бывшем муже... ой... то есть ненастоящем муже. А еще о вашей сестре. О других женщинах. Я не хочу быть слепым орудием в вашей игре.

— Это не игра, — ответил он, и его голос стал серьезным. — Это дело. И я расскажу вам всё, что знаю. Обещаю.

Я кивнула. Вроде всё.

— Тогда... — я протянула ему руку, — договорились?

Он посмотрел на мою ладонь, потом поднял взгляд на меня. Его рука накрыла мою — горячая, сухая, надёжная.

— Договорились, — сказал он.

Я почувствовала, как электрический разряд пробежал по коже. Или мне показалось?

Я быстро убрала руку, делая вид, что ничего не случилось.

— Когда? — спросила я деловито.

— Через два дня, — ответил он. — Нужно подготовить документы. И привести вас в порядок.

— Что значит «привести в порядок»?

— Одежда, обувь, документы, — перечислил он. — У вас же ничего нет, кроме того, что на вас.

Я опустила глаза. Джинсы, футболка, тапочки. И ни копейки денег. Ни паспорта. Ни телефона. Ничего.

— Да, — тихо сказала я. — У меня ничего нет.

— Теперь у тебя есть я, — ответил он просто.

Глава 12

Любава

Я смотрела на него несколько секунд, чувствуя, как к щекам приливает тепло. Чёрт возьми, Любава, соберись. Он сказал это в смысле «я помогу», а не в смысле «я твой рыцарь на белом коне». Хотя, если честно, конь у него чёрный, и это даже круче.

— Это очень трогательно, – сказала я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Но есть одна маленькая проблема.

— Какая?

— Мне нужен мой паспорт... и мои документы... и телефон. И все остальное, что осталось в чемодане в доме Алексиса.

Демьян замер. Его челюсть сжалась, а в глазах мелькнуло что-то опасное.

— Это слишком опасно. Мы сделаем тебе новые.

— И загранпаспорт, и свидетельство о рождении, сделаете? А еще телефон, и ноутбук, и косметика, и сменная одежда, и, – я сделала паузу, — и мою любимую кружку с надписью «Лучший фотограф года». Её мне подарили подруги.

— Кружка не главное, – сухо заметил он.

— Для меня – главное, — парировала я. — Эта кружка пережила со мной три переезда и одну неудачную любовь. Она не заслуживает быть запертой в шкафу Алексиса рядом с его коллекцией пошлых галстуков.

Демьян посмотрел на меня долгим взглядом.

— И что ты предлагаешь?

— Самый очевидный вариант, — сказала я, чувствуя, как во мне просыпается авантюристка, о существовании которой я даже не подозревала. — Вернуться в дом и забрать всё, что принадлежит мне по праву.

— Там Алексис и он ждет тебя именно там, — напомнил он.

— Я знаю.

— Его мать тоже там живёт.

— И это я тоже знаю.

— Ты хочешь войти в дом человека, который вчера назвал измену «физиологией, которая ничего не значит», и под присмотром его мамы, которая мечтает выцарапать тебе глаза, забрать свой паспорт?

— Когда ты так это формулируешь, звучит безумно, – признала я.

— Потому что это безумие, Любава.

— А есть другой способ? Восстанавливать документы через посольство – это недели, если не месяцы. Я не хочу сидеть в твоём доме, питаться твоими оливками и мусакой и ждать, пока греческая бюрократия соизволит сжалиться надо мной.

— Ты просто не пробовала мою мусаку и оливки, – улыбнулся Демьян так широко, что на щеках у него появились милые ямочки.

— Я не сомневаюсь, что твоя мусака чертовски вкусная, но все же...

Демьян задумался. Я видела, как он просчитывает варианты. Как привык — быстро, холодно, эффективно.

— Ты предлагаешь попросить кого-то из твоих родителей забрать документы? — спросил он.

— Изначально да, — кивнула я. — Мама может поговорить с Алексисом. Или папа. Но потом я подумала... подумала и такое придумала.

— Что?

— Что они в Греции впервые. Не говорят по-гречески. Понятия не имеют, как устроен дом. И мама, если увидит Алексиса, скорее всего, задушит его голыми руками. А папа – поможет ей закопать тело. У меня нет никакого желания объяснять греческой полиции, почему мои родители обезвредили местного олигарха оливкового масла.

Демьян усмехнулся.

— Твоя мама опасная женщина.

— Ты не представляешь, насколько, — вздохнула я. — В детстве она застукала меня с сигаретой. Я до сих пор вздрагиваю, когда слышу слово «веник».

Он покачал головой, но в глазах плясали смешинки.

— Хорошо. Не родители. Кто тогда?

Я сделала глубокий вдох.

— Катя.

— Катя?

— Моя подруга – Катюша.

— Твоя подруга? — Демьян поднял бровь. — Та, которая, когда я подъехал к ресторану, стояла на парковке с бокалом и кричала вслед уезжающей машине: «Верни мою туфельку, гад!»?

— Это она, — довольно улыбнулась я, вспомнив лучшую подругу, которая была мне ближе сестры. — У неё сложные отношения с обувью.

Демьян закрыл глаза рукой, и я усмехнулась. Сделала шаг к нему и аккуратно убрала его руку, посмотрела в глаза. Он на секунду сжал ее и сощурил глаза, впившись в меня своими темными глазами. В тот же миг, по моему телу пробежали электрические импульсы и я вздрогнула.

— Это все ее способности? — шепотом спросил он, не отводя взгляда.

— Нет, — покачала я головой, пытаюсь прийти в себе. — Она гениальна в своей хаотичности. И у нее есть одно качество, которое нам очень пригодится.

— Какое?

— Она не боится ничего и никого.

— Ты предлагаешь отправить твою подругу в дом Алексиса, чтобы она забрала документы?

— Не просто забрала. Я предлагаю отправить её с заданием. Она войдёт в дом, соблазнит Алексиса, напоит его чем-нибудь крепким, подмешает слабительное...

— Слабительное? — перебил он, приподнимая бровь.

— Пурген, — уточнила я. — Или что-то подобное. Чтобы ему пришлось провести некоторое время в уединении с фаянсовым другом.

— С кем?

— С унитазом, Демьян. С унитазом.

Он замолчал. Я видела, как его губы сжались, пытаюсь сдержать улыбку.

— Ты сейчас серьёзно?

— Абсолютно. Пока Алексис будет обниматься с керамикой и проклинать день, когда встретил русских девушек, Катя спокойно заберёт мои документы и уйдёт. Всё просто.

— Ты забыла про его мать, — напомнил он.

— Не забыла, — я вздохнула. — Кирия Элени, конечно, та еще проблема. Она будет крутиться рядом, задавать вопросы, пытаться напоить Катю своим фирменным кофе и вывести, кто она и зачем пришла?

— И как ты предлагаешь с ней справиться?

Я задумалась.

— Катя должна будет её отвлечь. Сказать, что она журналистка, которая пишет статью о греческих оливковых династиях. Или что она коллекционирует рецепты мусаки. Или что она ищет мужа и слышала, что Алексис теперь свободен.

— Алексис не свободен, — заметил Демьян. — Он женат на тебе и вся его большая греческая родня думают так же. Пока мы не докажем обратное.

— Тем лучше. Катя, мастер нестандартных решений. Однажды она убедила гаишника, что её права украли инопланетяне. И он поверил.

— Твоя подруга – преступница?

— Нет, она – гений манипуляции. И она сделает всё, что нужно. Я ей доверяю.

Демьян встал, подошёл к окну, посмотрел на море. Я видела, как он обдумывает мой план. Как взвешивает риски.

— Это опасно, — сказал он наконец.

— Знаю.

— Если Алексис заподозрит неладное, он может причинить ей вред.

— Не сможет. Катя в прошлом году заняла второе место на соревнованиях по самообороне. Она положит его на лопатки быстрее, чем он скажет «Это всего лишь физиология».

Демьян обернулся.

— У неё есть чёрный пояс?

— Нет, но она смотрела все сезоны «Карате-кида» и два раза ходила на тренировку по дзюдо с бывшим парнем. Я считаю, этого достаточно.

Он посмотрел на меня с выражением, которое сложно было прочесть. Восхищение? Ужас? Смирение?

— Любава, — сказал он медленно, — я начинаю подозревать, что твоя жизнь – это сериал, в котором ты – главный сценарист.

— Я предпочитаю считать себя режиссёром, — парировала я. — Так что? Ты со мной?

Он тяжело вздохнул, как человек, который только что понял, что его втянули в авантюру, и у него нет ни малейшего желания из неё вылезать.

— Звони своей Кате, — сказал он. — Но если этот план провалится, я скажу полиции, что это была твоя идея. И мы не знакомы.

Глава 13

Любава

— Справедливо, — кивнула я и взяла телефон.

Демьян отошёл к окну, скрестив руки на груди. Он выглядел как человек, который только что подписался на участие в безумном реалити-шоу и теперь пытается вспомнить, зачем ему это было нужно. Его челюсть была сжата, но в уголках губ пряталась предательская усмешка.

Я набрала номер Кати.

Гудки. Один. Второй. Третий. Я уже начала нервничать, когда в трубке раздался хриплый, сонный, похожий на голос пробудившегося тролля звук:

— Алло? Кто это? Если это служба доставки, то я ничего не заказывала. Если это мужчина с большим... сердцем, то говорить адрес — я приеду. Если вы моя мама, то я не я и хата не моя.

— Кать, это я, — сказала я, чувствуя, как уголки губ сами собой ползут вверх.

Тишина. Секунда. Другая.

— Любаша? — голос мгновенно стал чистым и ясным, будто она и не спала вовсе. — Любаша, блин! Ты жива? Где ты? Что случилось? Я уже хотела объявлять межведомственный розыск! Этот твой... как его... Попандопало, который теперь, видимо, бывший, сказал, что ты сбежала с любовником! Представляешь? С любовником! Я чуть не подавилась оливкой, когда услышала!

— Я не сбежала. Меня увезли со свадьбы, потому что Алексис изменил меня в ослином загоне.

— Ахха, только этот придурок мог так низко пасть.

— Кать, слушай. У меня есть для тебя спецзадание на миллион долларов.

— Какое задание? — она запнулась. — Ты где вообще? Почему голос такой таинственный? Ты в подполье? Тебя похитили? Если тебя похитили, то моргни два раза. Или скажи «оливки». Оливки. Ты моргаешь? Я не вижу. Ладно, надеюсь что тебя не похитили.

— Я в безопасном месте, — ответила я, косясь на Демьяна.

Он по-прежнему стоял у окна, скрестив руки. Но теперь его голова была чуть склонена набок, а в глазах плясали чёртики. Он явно слышал Катин голос через динамик — у меня была привычка всегда говорить по телефону на громкой связи. И, кажется, он начинал понимать, с кем ему предстоит иметь дело. Его правая бровь медленно ползла вверх, также как и улыбка.

— Мне нужно, чтобы ты съездила в дом Алексиса и забрала мои документы, — продолжила я. — Паспорт, телефон, ноутбук. Всё, что найдёшь.

— В дом этого козла с масляными глазами? — голос Кати зазвучал опасно-сладко. — Ты хочешь, чтобы я пошла в логово врага?

— Да.

— Одна?

— Да.

— Без оружия?

— С твоим языком, Катя, оружие не нужно.

Она хмыкнула. Я почти физически ощущала, как она улыбается. Демьян, услышав мою реплику, ухмыльнулся. И мне показалось, что он сдерживает смех, чтобы не расхохотаться в голос.

— И это ещё не всё, — добавила я.

— Боже, будет ещё и десерт? — Катя явно вошла во вкус. — Любава, ты меня балуешь. Что нужно сделать? Поджечь дом? Перерезать провода? Украсть его коллекцию дурацких галстуков?

— Тебе придётся соблазнить Алексиса.

Тишина.

Я слышала, как Катя дышит. Как на том конце провода скрипнула кровать — она села. Может быть, даже встала. Возможно, уже натягивала джинсы.

— Соблазнить? — переспросила она.

— Да.

— Этого... греческого олимпийца по части измен?

— Его самого.

— Любава, — голос Кати стал низким, почти мурлыкающим, — ты уверена, что мы подруги? Потому что обычно подруги просят помочь с переездом или закопать тело. А ты предлагаешь мне легальный способ поразвлечься за твой счёт.

— Катя!

— Ладно-ладно. — Она вздохнула, но в этом вздохе слышался восторг. — Что я должна сделать? Раздеться? Залезть под стол? Применить свои легендарные навыки соблазнения, которые я отработывала на почтальоне?

— Не напоминай мне про почтальона, — простонала я. — У меня до сих пор перед глазами его лицо, когда он увидел тебя в том розовом халате.

— Он был счастлив, — парировала Катя. — И чаевые оставил выше среднего.

Демьян, который всё это время сдерживался и старался держать лицо, вдруг издал странный звук — не то кашель, не то смешок. Он быстро прикрыл рот рукой, но глаза его смеялись. Я сделала вид, что ничего не заметила.

— Ты должна напоить его, — сказала я. — И подмешать в еду слабительное.

— Пурген? — деловито уточнила Катя. — Или что-то помощнее?

— Что значит «помощнее»?

— Ну, знаешь, есть ведь всякие... экстремальные варианты. Чтобы человек побежал в туалет и не вылезал оттуда часа три. Я читала в интернете про одно средство для похудения...

— Катя, мы его собираемся убивать. Просто отвлечь.

— Жаль, — протянула она. — Ладно, пурген так пурген. Не царское дело, конечно, но для друга-олигарха сойдёт.

— Оливкового магната.

— Ой, какая разница. Итак, план такой: я прихожу в дом, соблазняю этого... Пападон-допало, пою его, кормлю слабительным, а пока он обнимается с фаянсовым другом...

— Пока он будет занят, ты найдёшь мои документы и уйдёшь.

— А мамочка его? — Катя произнесла слово «мамочка» таким тоном, будто речь шла о гигантском пауке. — Эта... как её... кирия Элени? Которая смотрит на всех, если ты не грек, то прокажённый?

— Отвлечёшь.

— Чем?

— Скажи, что ты журналистка. Или коллекционер рецептов. Или что ты ищешь мужа.

— Или всё сразу? — Катя хмыкнула. — Представляю её лицо, когда я скажу: «Здравствуйте, я журналистка, коллекционирую рецепты мусаки и заодно присматриваю себе мужа. Ваш сын не в счёт, он женат». Она инфаркт получит.

— Катя, не доводи её до инфаркта. Нам нужны документы, а не труп свекрови.

— Бывшей свекрови, — поправила Катя. — И вообще, она мне не свекровь. Слава богу. Я вздохнула.

— Ты справишься?

— Любава, — голос Кати стал серьёзным. — Я неделю сидела на диете из узо и оливок, чтобы влезть в платье подружки невесты. Я танцевала тверк с кузеном твоего бывшего мужа,

который наступил мне на ногу каблуком. Я потеряла туфельку в бассейне и искала её шваброй под одобрительные крики твоей свекрови. После этого меня ничем не напугать.

— Бывшей свекрови, — автоматически поправила я.

— Вот именно. Так что расслабься. Я сделаю всё в лучшем виде.

Я перевела взгляд на Демьяна. Он стоял, прислонившись плечом к оконному косяку, и смотрел на меня.

— Где и когда встречаемся? — спросила Катя.

Я посмотрела на Демьяна вопросительно. Он чуть прищурился, задумался на секунду, потом кивнул и сделал жест рукой — мол, завтра, я всё организую.

— Завтра, — сказала я в трубку. — Время и место уточним. Жди звонка.

— Любава, — Катя понизила голос до доверительного шёпота. — Скажи честно. Этот твой таинственный спаситель, который сейчас стоит рядом и, судя по тому, что он слушает наш разговор... он горячий?

Я покраснела. Демьян, кажется, заметил — его бровь снова поползла вверх.

— Катя!

— Что? Я серьёзно. Потому что если он горячий и к тому же с танком и пургеном, то я требую подробностей.

— Он всё слышит, — прошипела я.

— Тем лучше, — парировала Катя. — Мужчина должен знать, что о нём говорят. Это поднимает самооценку. Так что? Горячий?

Глава 14

Катя (подруга Любавы)

Я положила трубку и уставилась в потолок.

Любава с ума сошла. Совсем. Окончательно и бесповоротно.

Соблазнить её бывшего мужа? Напоить его слабительным? Украсть документы? Пока его мамочка будет пытаться меня уконтропупить греческим кофе и расспросами о моей родословной?

— Боже, — сказала я вслух. — Я либо гениальная шпионка, либо идиотка.

Я встала с кровати, подошла к зеркалу и посмотрела на себя. Заспанное лицо, растрёпанные волосы, следы от подушки на щеке.

— Катя, — сказала я своему отражению, — ты справишься. Ты справлялась и не с такими задачами. Помнишь почтальона? Помнишь, как ты убедила гаишника, что твои права украли инопланетяне? Помнишь, как ты на корпоративе спела караоке с генеральным директором и он до сих пор здороваётся с тобой за руку?

Отражение смотрело на меня с сомнением.

— Ладно, почтальон был пьян, гаишник был влюблён, а генеральный директор просто ничего не помнит. Но у меня есть чутьё! И харизма! И...

Я замолчала, потому что в голову ничего не приходило.

— И большая задница, — закончила я радостно. — Ладно, поехали.

Только я собралась выходить из отеля, как зазвонил телефон. Любава.

— Кать, слушай, — голос у неё был взволнованный. — Мы тут подумали с Демьяном... Алексис же видел тебя на свадьбе.

Я замерла.

— Эмм... ну да. А что?

— Он может тебя узнать.

Я посмотрела в зеркало. Светлые волосы, серые глаза. Моё обычное лицо. Лицо, которое Алексис видел за столом подружек невесты.

— Чёрт, — сказала я. — Чёрт, чёрт, чёрт.

— У Демьяна есть идея, — продолжила Любава. — У него в машине лежит парик и цветные линзы. Осталось от какого-то маскарада или от слезки. Если честно, я не спрашивала.

— Парик? — переспросила я. — Какого цвета?

— Тёмный. Каре. С чёлкой.

— А линзы?

— Карие.

Я представила себя в этом образе. Темноволосая, кареглазая. Совсем другая девушка.

— Годится, — улыбнулась я своему отражению. — Везите. Всё равно уже терять нечего.

Через час я стояла перед зеркалом в ванной у Демьяна и не узнавала себя.

Тёмные волосы обрамляли лицо по скулам до подбородка, чёлка почти закрывала брови. Глаза цвета тёплого расплавленного шоколада смотрели на меня с вызовом. Красное платье, яркая помада. Другая походка, другая улыбка.

— Боги, — прошептала я. — Да я красotka.

— Ты готова? — Любава заглянула в дверь.

— Я готова, — я повернулась к ней. — Как тебе?

Она присвистнула.

— Если бы я тебя не знала, то ни за что не узнала бы.

— Это комплимент?

— Это факт. — Она подошла и поправила мне чёлку. — Кать, будь осторожна. Пожалуйста.

— Всегда, — я улынулась. — Ты же меня знаешь.

— В том-то и дело, что знаю, — вздохнула она и поцеловала в щеку.

На следующее утро я стояла перед домом Алексиса Пападопулоса.

Место было шикарным. Белый особняк в греческом стиле, с голубыми ставнями, пальмами во дворе и видом на море. Вокруг — оливковые деревья, кипарисы, запах тимьяна и свободы. Красиво. Очень по-гречески и невероятно гадко. Всё это куплено на деньги, которые он вытянул из доверчивых женщин.

Я поправила платье, глубоко вздохнула и нажала на звонок.

Тишина.

Я нажала ещё раз и услышала чьи-то неторопливые шаги.

Дверь медленно открылась и на пороге я увидела ее — хозяйку этого дома. Кирию Элени Пападопулос. Свекровь Любава. Точнее, бывшая свекровь. Чёрт, язык сломаешь.

Она смотрела на меня, и я видела, как её взгляд сканирует моё лицо, платье, ноги. Ищет что-то знакомое и не находит.

— Здравствуйте, — я растянула губы в самой очаровательной улыбке. — Вы, наверное, мама Алексиса? Как я рада! Мне столько о вас рассказывали!

— Вы кто? — голос был ледяным и безжизненным.

— Я Катрина, — я протянула руку. Она не ответила. Я опустила руку, сделав вид, что так и задумано. — Я журналистка. Пишу статью о греческих оливковых династиях. Ваша семья — легенда в этих краях.

Элени прищурилась.

— Вы не похожи на журналистку.

— А кто похож? — я сделала удивлённое лицо. — Человек с блокнотом? Поверьте, настоящая журналистика — это не только слова. Это атмосфера. Лица. Эмоции. Настоящая Греция — она в глазах людей.

Она молчала. Я чувствовала, как в наушнике тихо сопит Любава.

Похоже, я переигрывала.

В этот момент из глубины дома раздался голос:

— Мама, кто там?

Это был Алексис.

Он вышел из гостиной, и я его увидела. Красивый. Чёрт возьми, очень красивый. Я понимала, почему Любава в него влюбилась. Высокий, загорелый, с тёмными волосами и глазами, в которых плескалось что-то томное.

Он посмотрел на меня. Я затаила дыхание. Узнает? Не узнает?

Его взгляд скользнул по моему лицу, шее и вырезу платья. Он задержался на глубоком декольте. Я заметила, как дернулся его кадык и в глубине души усмехнулась и закатила глаза. Ох, уж эти мужчины. Хлебом не корми, дай поглядеть на чужие сиськи. Затем его глаза вернулись к моим глазам и волосам.

— Здравствуйте, — я улынулась своей самой очаровательной улыбкой. — Вы, наверное, Алексис? Я Катрина. Очень приятно.

Он замер на секунду. Я видела, как его мозг лихорадочно перебирает файлы. Но парик и линзы сделали своё дело. Он не узнал меня.

— Очень приятно, — он улыбнулся, и в голосе появились масляные нотки. — Вы ко мне?

— К вам, — кивнула я. — Я журналистка. Пишу статью о греческих оливковых династиях. Ваша семья — одна из самых уважаемых. Мне бы очень хотелось взять у вас интервью.

Он улыбнулся шире.

— Проходите. Мама, принеси нашей гостье кофе.

Элени посмотрела на него, потом на меня, потом снова на него. Её лицо выражало всё, что она думает об этой гостье. Но спорить с сыном она не стала. Развернулась и ушла на кухню, бормоча что-то по-гречески.

В наушнике раздался тихий выдох Любавы.

— Не обращайтесь внимания, — сказал Алексис, провожая меня в гостиную. — Мама у нас консервативная. Не привыкла к... современным девушкам.

— Ничего страшного, — я села на диван и скрестила ноги. — У вас красивый дом.

На самом деле я искала, куда Любава могла положить свои документы. Но пока видела только дорожную мебель и ковры.

— Так о чём вы хотели поговорить? — он сел напротив.

— Обо всём, — я наклонилась вперёд, чтобы он разглядел мою грудь поближе и забыл обо всем, кроме нее. — О бизнесе, о традициях. Но знаете, я не люблю сухие интервью. Я люблю живые разговоры с вином, с хорошей едой. Может, поужинаем сегодня?

Он прищурился.

— Вы всегда так... эммм... смелы?

— Только когда вижу то, что мне нравится, — я стрельнула глазами.

В наушнике послышалось приглушённое: «О боже, она это серьёзно?»

Я незаметно провела рукой по волосам и постучала по наушнику — мол, молчите, меша-ете.

Элени вернулась с подносом. Кофе, печенье, оливки.

— Угощайтесь, — сказала она, ставя поднос на стол.

— Спасибо, — я взяла чашку. — Алексис, может, вы покажете мне дом? Я обожаю греческую архитектуру.

Он встал и протянул мне руку.

— Идёмте, Катрин. Может начнем с моей комнаты?

Глава 15

В наушнике раздался голос Любавы:

— Ну и кобель.

Я мысленно согласилась, но виду не подала. Мало ли? Ещё подумает, что я дура какая, раз киваю и усмехаюсь без причины.

— Хм... интересное предложение, — я изобразила задумчивость, наклонив голову и прикусив губу. — Но я, пожалуй, откажусь. Журналистская этика, знаете ли. Невежливо начинать экскурсию с самого сокровенного.

Алексис лишь пожал плечами — дескать, твоя потеря — и повёл меня показывать дом.

Мы ходили по комнатам. Я восхищалась видами — «О, какая чудесная люстра!», «Боже, какой потрясающий вид на море!», «Это антикварная ваза? Неужели восемнадцатый век?» — задавала вопросы, а сама одним глазом искала, где могут быть Любавины вещи.

Алексис рассказывал о семейном бизнесе, об истории дома, о том, как его дедушка посадил первую оливковую рощу. Я кивала, улыбалась, иногда касалась его руки — «неужели?», «как интересно!», «вы так увлечённо рассказываете!» — и продолжала сканировать пространство.

На втором этаже я заметила приоткрытую дверь... и чемодан женский с розовым ремешком.

— А что там? — спросила я, останавливаясь.

— Гостевые комнаты, — ответил Алексис, и в его голосе появилось лёгкое напряжение. — Ничего интересного.

— Но вид оттуда, наверное, лучше? — я уже шла к двери, не дожидаясь ответа.

Я открыла дверь и вошла. Чемодан стоял у кровати. На тумбочке — телефон. Любавин телефон. Я узнала бы этот чехол с рыжим котом среди тысячи. На стуле висело платье — то самое, в котором она приехала в Грецию. В воздухе ещё пахло её духами. Горьковато-сладкий запах жасмина.

— О, какая милая комната, — я сделала вид, что рассматриваю шторы. — И чемодан... это ваш?

— Мой... эм... то есть моей жены, — Алексис напрягся. Я видела, как его челюсть сжалась, как он переступил с ноги на ногу. — Она... не успела забрать.

— Ужасно, — я покачала головой, сочувственно вздохнув. — Такая красивая комната. Такие милые вещи. Вы не будете против, если я сфотографирую? Для статьи. Атмосфера, знаете ли.

Он колебался секунду, но потом кивнул:

— Как хотите.

Я вытащила телефон и сделала несколько снимков комнаты. А заодно — чемодана, телефона и тумбочки, на которой лежали какие-то бумаги. Потом «случайно» задела чемодан ногой, придвигая его ближе к выходу.

— Катрин, — Алексис подошёл ближе. Его рука легла мне на плечо. — Может, спустимся вниз? Я открою бутылку вина.

— С удовольствием, — я улыбнулась и сделала шаг к двери, уводя его из комнаты. — Но сначала, можно мне посетить уборную? Освежиться, такая жара на улице.

— Конечно, — он указал на дверь в конце коридора. — Там.

Я зашла в уборную, закрыла дверь на щеколду и прислонилась к стене. Сердце колотилось как бешеное. Ладони вспотели.

— Я нашла твои вещи, — прошептала я в наушник. — Чемодан, телефон, какие-то бумаги. На втором этаже, в гостевой комнате. Паспорт не видела, но он может быть в чемодане.

— Отлично, — голос Любавы дрожал от волнения. — Теперь нужно отвлечь его и забрать всё.

— Легко сказать, — прошептала я, прижимая ладонь к груди, чтобы унять сердцебиение. — Его мамаша кружит как коршун. Я чувствую её взгляд даже через стены.

— Действуй, — сказал Демьян. — Мы здесь. Если что подадим сигнал.

Я выдохнула, поправила волосы, одёрнула платье и вышла.

Я спустилась вниз. Алексис уже разливал вино — красное, тёмное, в дорогих бокалах.

— Вы так любезны, — я взяла бокал, сделала глоток. Вино было терпким, с нотками вишни и дуба. Дорогое. — Знаете, а вы не похожи на женатого мужчину.

— Почему? — он прищурился, отпил из своего бокала.

— Слишком расслаблены, — я пожала плечами, откинувшись на спинку дивана. — Слишком... свободны. Моя подруга, когда вышла замуж, говорила, что её муж стал другим. А вы — не такой.

Алексис усмехнулся, поставил бокал на стол и провёл рукой по волосам.

— Может, я совсем другой. И не муж вовсе.

— О? — я сделала большие глаза, подавшись вперёд. — Что вы имеете в виду?

Он отвёл взгляд и я видела, как напряглись его плечи, как пальцы сжали подлокотник кресла.

— Долгая история.

— Я люблю долгие истории, — я поставила бокал, встала и пересела к нему на диван. Близко. Достаточно близко, чтобы он почувствовал мой запах. — Рассказывайте.

Он осторожно посмотрел на меня и хмыкнул.

— Может, выпьем сначала? — он поднял бокал.

— За что?

— За красивых журналисток, — он улыбнулся, и в его улыбке появилось что-то тёплое.

— О, — я рассмеялась, касаясь его бокала своим. — А вы льстец.

Мы выпили.

Я чувствовала, как вино разливается по телу теплом, расслабляя мышцы. Нельзя. Нельзя расслабляться. Я сделала глоток воды — незаметно, когда он отвернулся.

— Алексис, — я наклонилась к нему, положив руку на его колено. — Я хочу вам кое-что сказать.

— Что? — он повернулся ко мне. Его лицо было близко, слишком близко.

Я сделала паузу, глядя ему в глаза. Моя ладонь слегка сжала его колено.

— У меня есть одна проблема. И, кажется, только вы можете мне помочь.

— Какая? — он был заинтригован. Его взгляд скользнул по моим губам.

Я вздохнула, отставила бокал и закусив губу, томно посмотрела на мужа моей подруги.

— Кажется, я влюбилась.

Глава 16

— Что? — он опешил. Его брови взлетели вверх. — В меня?

— Не дай Бог. Ну что вы, сплюньте. В Грецию, — я рассмеялась, легко хлопнув его по колену. — В эту страну. В эти виды. В эти оливковые рощи. Вы даже не представляете, как здесь красиво.

Он выдохнул — с облегчением? С разочарованием? — и рассмеялся.

— Вы меня напугали.

— Это входило в мои планы, — я подмигнула. — Немного драмы никогда не помешает. Не правда ли?

Он взял мою руку, накрыл своей.

— Катрин, — сказал он, и его голос стал ниже, — вы удивительная женщина.

— Я знаю, — я улыбнулась и мягко, но твёрдо высвободила руку. — Но, может, вернёмся к интервью? У меня есть ещё несколько вопросов.

Он кивнул, откинулся на спинку дивана.

— Спрашивайте.

— Расскажите о вашем доме, — я сделала глоток вина. — О комнатах. О том, какие помещения вам особенно дороги. Для статьи мне нужны детали. Атмосфера.

Он начал рассказывать. О гостиной, где собиралась вся семья. О кухне, где его мать готовит лучшую мусаку на Пелопоннесе. О террасе, с которой открывается вид на закат.

Я слушала, кивала, задавала вопросы. А сама ждала момента.

— А на втором этаже? — спросила я, когда он сделал паузу. — Что там?

— Спальни, — ответил он. — Наша спальня, гостевая...

— Та самая гостевая, где я уже была, — я улыбнулась, прищурившись. — С розовым чемоданом и телефоном в чехле с котом. Там правда ничего интересного, кроме вещей вашей жены?

Алексис напрягся. Я заметила, как его пальцы сжали бокал сильнее, а на скулах заиграли желваки.

— Это вещи Любавы, — сказал он после паузы. — Она... не успела их забрать.

— Мило, — я наклонила голову, рассматривая его реакцию. — Храните её чемодан как реликвию? Или надеетесь, что она вернётся?

— Ни то и ни другое, — ответил он глухо. — Просто... не до того было.

— Понимаю, — я кивнула и сделала глоток вина, делая вид, что мне всё равно. — Скандалы, разбирательства, всё такое. Но знаете, Алексис, если у вас там остались её документы или что-то важное, вам стоило бы вернуть ей. Для чистоты. Чтобы закрыть эту историю раз и навсегда.

Он посмотрел на меня. Долго. Я выдержала его взгляд, не отводя глаз.

— Вы так думаете? — спросил он наконец.

— Я журналист, — я пожала плечами. — Я люблю, когда всё честно. Без недомолвок. Без хвостов, которые тянутся из прошлого.

Он задумался. Потом встал.

— Вы правы, — сказал он. — Я посмотрю, что там осталось. Может, действительно стоит вернуть.

Он вышел из комнаты. Я слышала, как его шаги затихают на лестнице.

— Быстро, — скомандовал Демьян в наушник. — У тебя есть минута.

Я вскочила с дивана. И в этот момент из кухни вышла Элени.

Она стояла в дверях, скрестив руки на груди. Её взгляд был тяжёлым, как свинцовое одеяло.

— Куда это вы собрались? — спросила она. Голос тихий, но в нём слышалась сталь.

— В уборную, — улыбнулась я. — Перебор с вином.

Она не двинулась с места. Стояла как стена.

— Вы что-то ищете в этом доме?

— Я ищу уборную, — повторила я, делая шаг в сторону. — Вы не подскажете, где она?

Она указала рукой на дверь в коридоре — ту самую, куда я уже ходила.

— Спасибо, — я развернулась и почти побежала. Но не в туалет. На лестницу.

Но не в туалет. На лестницу.

Я поднялась на второй этаж, прислушалась. Где-то в глубине коридора, в стороне от гостевой комнаты, раздавались шаги и звук открываемых шкафов. Алексис искал документы в другой комнате — видимо, решил, что вещи Любавы могут быть не только в гостевой. Идиот. Мне это только на руку.

Я бесшумно скользнула в гостевую комнату, схватила чемодан — тяжёлый, чёрт возьми, что Любава туда наложила, кирпичи? — телефон, бумаги. Паспорт лежал под подушкой, я сунула туда руку и нащупала красную корочку.

Всё это я запихнула в большую сумку. Молния заела — я дёрнула, чуть не сломав ноготь, — наконец закрылась.

Шаги. Алексис вышел из комнаты в конце коридора.

— Мама? — позвал он. — Ты здесь?

У меня сердце ушло в пятки. На секунду мне показалось, что он меня заметил. Но нет — он стоял спиной ко мне, заглядывая в другую дверь.

Я вылетела из гостевой, пригибаясь, чтобы он не заметил движение в углу глаза, и скользнула к лестнице. Каблуки, мои главные враги, цокали по мрамору, но я молилась, чтобы он не услышал.

Скатилась вниз, влетела в гостиную и рухнула на диван, прижимая сумку к боку, как бомбу замедленного действия.

Через минуту сверху раздались шаги. Алексис спускался.

— Не нашёл ничего, кроме старой одежды, — сказал он, разводя руками. — Наверное, всё ценное она забрала.

— О, — я сделала расстроенное лицо, прижав свободную руку к груди. — Жаль. Ну что ж, спасибо, что попытались.

— Вы надолго в Греции? — спросил он. В его глазах снова зажглись масляные огоньки. Он подошёл ближе.

— Ещё пару дней, — я улыбнулась, делая шаг к выходу и незаметно перехватывая сумку поудобнее. — Может, успеем поужинать.

— Я бы с удовольствием, — он взял меня за руку. — Давайте сегодня?

— Давайте, — я улыбнулась и мягко, но твёрдо высвободила руку. — Но сначала я должна заехать в отель. Переодеться и освежиться.

— Я провожу.

— Не нужно, — я отстранилась, поправила сумку на плече. — Я на машине. Встретимся в ресторане. В восемь. Я пришлю адрес.

Он колебался. Я видела, как его взгляд скользнул к сумке, потом снова к моему лицу. Но он кивнул.

— В восемь, — повторил он. — Буду ждать.

Я вышла из дома, чувствуя на себе его взгляд. И взгляд Элены, которая стояла в дверях.

Я не обернулась. Только когда захлопнула дверцу машины, выдохнула и откинулась на сиденье.

— Всё, я вышла, — сказала я в наушник.

— Мы видели, — голос Любавы дрожал от волнения. — Катя, ты гений. Ты просто гений.

— Я знаю, — я улыбнулась, чувствуя, как сердце постепенно успокаивается. — Теперь валите отсюда, пока он не вышел и не спросил, почему у вас номера такие знакомые.

Чёрный внедорожник, стоявший через дорогу, завёлся и тронулся с места. Я увидела Демьяна за рулём — его профиль, напряжённый и сосредоточенный, — и Любаву на пассажирском сиденье. Она смотрела на меня и улыбалась — счастливая и взволнованная.

Я помахала им рукой.

— Увидимся. И приготовьте мне бокал чего-нибудь крепкого. Я заслужила.

— Ты заслужила целую бутылку, — ответила Любава, и я услышала, как она засмеялась.

Я завела машину и поехала следом.

Я только что обвела вокруг пальца греческого олигарха оливок и его мамочку. В чужом парике. В чужих глазах. В красном платье на высоких каблуках.

Я провела идеальную операцию. Без единой осечки.

— Боги, — сказала я вслух, нажимая на газ. — Я великолепна.

И улыбнулась своему отражению в зеркале заднего вида.

Глава 17

Любава

Катя влетела в дом Демьяна, как ураган в красном платье.

— Я великолепна! — объявила она с порога, швырнула сумку на диван и рухнула в кресло. — Хвалите меня, смертные. Я заслужила.

В сумке оказалось всё: телефон, загранпаспорт, ноутбук, даже моя любимая кружка с надписью «Лучший фотограф года». Катя выложила трофеи на стол с видом фокусника, который только что достал кролика из шляпы.

— Боги, — я схватила паспорт, прижала к груди. — Катя, я тебя обожаю.

— Я знаю, — она откинула волосы (парик уже валялся на полу) и вытащила из-за пазухи бутылку вина. — А теперь наливай. И рассказывай, когда свадьба?

Я посмотрела на Демьяна.

Он стоял у окна, скрестив руки на груди, и смотрел на меня внимательным и немного напряжённым взглядом.

— Завтра, — сказал он. — В десять утра. Я договорился с мэрией.

— Завтра? — я поперхнулась воздухом. — Так быстро?

— Чем быстрее, тем безопаснее, — он подошёл к столу, взял паспорт, пролистал. — Алексис не должен ничего узнать. Пока документы у нас, он не может тебя контролировать. Но как только поймёт, что ты собираешься подавать иск...

— Он начнёт действовать, — закончила я.

Демьян кивнул.

Катя налила вина в три бокала, подняла свой.

— За фиктивный брак! — провозгласила она. — Пусть он будет таким же успешным, как моя сегодняшняя операция.

— Катя, ты пьяна, — сказала я.

— Пока нет, но вечером планирую, — она отсалютовала бокалом и залпом выпила половину.

Я посмотрела на Демьяна. Он усмехнулся и небрежной походкой подошел к столику. Взял бокал и отсалютовал мне, потом Кате.

— Чтобы все получилось!

На следующее утро я стояла перед зеркалом в своей комнате и не узнавала себя.

Кремового цвета платье. Не свадебное — простое, лёгкое, элегантное. Длина, чуть ниже колен. Волосы распущены. Никакой фаты. Никаких венцов. Только я, платье и дрожащие руки.

— Ты красивая, — сказала Катя, появившись в дверях. На ней было голубое платье и выражение лица «я выпалась и готова к приключениям». — Настоящая невеста.

— Я ненастоящая, — поправила я немного с грустью. — Это фиктивный брак. Настоящий был недавно и закончился полным провалом.

— Какая разница, — она пожала плечами. — Главное, чтобы фотографии получились.

Я хотела ответить, но в этот момент внизу раздался сигнал машины.

Демьян ждал.

— Идем. Нам, кажется, пора.

Мэрия города, в которой нас должны были зарегистрировать, оказалась старым зданием с колоннами и древней рассохшейся лепниной. В дверях, нас встретил улыбающийся чиновник в очках. Он был маленьким и суетливым. Что-то говорил на греческом, вперемешку с русским, но я все равно ничего не понимала. Жутко нервничала и сама не понимала почему.

— Кириос Муромский, кирия Останина, — он раскланялся. — Всё готово. Осталось только подписать документы.

Я взяла ручку. Мои пальцы дрожали. Демьян стоял рядом, и я чувствовала тепло его плеча через ткань рубашки.

— Вы уверены? — спросила я тихо, чтобы слышал только он.

— Абсолютно, — ответил он так же тихо.

Я вздохнула и поставила подпись.

Демьян поставил свою.

Чиновник взял документы, надел очки, начал читать.

— Имя жениха: Демьян Муромский. Имя невесты: Любава Останина. Всё верно?

— Всё верно, — сказали мы хором.

Чиновник поднял руку, чтобы объявить нас мужем и женой.

И в этот момент дверь распахнулась.

— Я против! — Голос разнёсся по залу, как выстрел.

Я обернулась. В дверях стоял Алексис. За ним — его мама и София, с заплаканными глазами и торжествующей улыбкой.

У меня земля ушла из-под ног.

— Что вы здесь делаете? — спросил Демьян спокойно. Но я видела, как напряглись его плечи.

— Я против того, чтобы моя жена выходила замуж за другого, — Алексис шагнул вперёд. На нём был костюм, волосы зализаны назад, глаза горят. — Наш брак не расторгнут.

— Ваш брак недействителен, — яростно прошипел Демьян. — У нас есть документы.

— Поддельные, — парировал Алексис.

— Ваши, — я шагнула вперёд, чувствуя, как страх сменяется яростью. — Ты подделал подпись, Алексис. Твой кузен ставил её вместо тебя. У нас есть свидетель.

Он усмехнулся.

— А у меня есть свидетель, который видел, как ты изменила мне на свадьбе с этим... русским.

— Что? — я опешила. — Ты сам изменил мне в ослином загоне!

— Скажешь тоже, — Элени выступила вперёд, поджав губы. — Наша София никогда бы не стала. Это ты напала на бедную девочку.

София заплакала. Настоящими слезами или хорошо сыгранными.

— Я не знала, что он женат, — прошептала она. — Она набросилась на меня, обвинила в том, чего не было...

Я смотрела на этот цирк и не верила своим глазам.

— Вы что, репетировали? — спросила я. — Всей семьёй? Вместе с любовницей?

— Не смей оскорблять мою мать, — Алексис шагнул ко мне. — Я здесь, чтобы остановить этот фарс.

— Какой фарс? — я сделала шаг назад, но Демьян оказался рядом, прикрывая меня плечом.

— Брак с человеком, которого ты знаешь три дня, — Алексис усмехнулся. — Думаешь, я не знаю, зачем он тебе нужен? Хочешь украсть моё имущество через фиктивный брак?

— У тебя нет имущества, — сказала я. — Всё, что у тебя есть, украдено у других женщин.

Несостоявшаяся свекровь ахнула.

— Как ты смеешь, мерзавка!

— Смею, — я повернулась к чиновнику, который стоял с открытым ртом и не знал, что делать. — Пожалуйста, продолжайте.

— Не продолжайте, — Алексис шагнул к столу. — Я подам в суд на вас обоих. За мошенничество.

— Подавай, — Демьян спокойно достал телефон. — У меня есть запись разговора с твоим кузеном, где он признаётся, что подделал подпись. И показания трёх женщин, которых

ты обманул. И экспертиза, которая докажет, что твой брак с Любовью недействителен. Так что, давай подавай. Я даже помогу тебе с иском.

Алексис побледнел.

— Ты блефуешь.

— Хочешь проверить? — Демьян нажал кнопку на телефоне.

Из динамика раздался голос — испуганный, сбивчивый:

— «Дядя попросил меня поставить подпись. Сказал, что так надо. Что это формальность.

Я не знал, что это незаконно! Он сказал, что невеста согласна!»

Голос кузена. Того самого, который танцевал с Катей на свадьбе.

Алексис сделал шаг назад. Элени схватила его за руку.

— Сынок...

— Это ничего не доказывает, — прошептал он. — Это всё...

— А это? — Демьян переключил запись.

Голос Наташи, сестры Демьяна. Я лично не знала эту женщину, но ее боль чувствовала каждой клеткой.

— «Он сказал, что это ничего не значит. Просто физиология. А потом я узнала, что наш брак — фальшивка. Что он даже не подписывал документы. Я хотела умереть. Правда. Если бы не брат...»

В зале повисла тишина.

Алексис стоял, вжав голову в плечи. Элени смотрела на сына с ужасом. София перестала плакать и просто открыла рот.

— Это... это не я, — прошептал Алексис.

— Это ты, — сказала я тихо. — И ты ответишь... за всё. За каждую нашу слезинку... ответишь кровью.

Кажется, я переигрывала, но остановиться уже не могла.

Чиновник откашлялся.

— Итак, — сказал он, надевая очки. — Я объявляю вас мужем и женой.

— Нет! — крикнул Алексис.

— Да, — сказал Демьян и взял меня за руку.

— Да, — сказала я и сжала его пальцы.

— Поздравляю, — чиновник поставил печать. — Брак зарегистрирован.

Алексис рванул вперёд, но Катя, которая всё это время стояла в углу с бокалом (откуда, чёрт возьми, она взяла бокал?), ловко подставила ему подножку.

Он растянулся на полу и застонал, как девчонка.

— Ой, — сказала Катя. — Извините. Я такая неуклюжая.

Элени бросилась поднимать сына. София завывала.

А Демьян повернулся ко мне.

— Всё хорошо? — спросил он тихо.

— Всё хорошо, — ответила я. — Кажется.

Он улыбнулся, а я улыбнулась ему в ответ.

— А теперь, — сказала Катя, протягивая мне бокал, — выпьем за молодых! У меня в машине шампанское.

— Катя, ты великолепна, — сказала я.

— Я знаю, — ответила она.

Мы вышли из мэрии под крики Алексиса и плач Софии. На улице светило солнце, пахло морем и тимьяном.

— Демьян? — спросила я, когда мы сели в машину.

— Да?

— Аудиозапись с кузеном... она настоящая?

Он посмотрел на меня. И усмехнулся.

— Теперь – да.

Я рассмеялась и взяла его за руку.

— Неужели, ты блефовал?

— Я бизнесмен, — ответил он, заводя двигатель. — Я должен быть всегда готов к любым ситуациям.

Сзади слышалось:

— А вы знаете, что я себе только что сломала каблук? Эти туфли были из Парижа! Демьян, вы мне купите новые?

— Для вас Катерина, все что угодно!

— Идеальный муж, — кивнула мне и выпила еще один бокал шампанского, – хочу такого же!

Я засмеялась и посмотрела на счастливое лицо Демьяна..

Мы уехали. А в зеркале заднего вида всё ещё маячила фигурка Алексиса, который стоял на коленях посреди улицы и сжимал в руке бумажку — кажется, протокол о регистрации моего брака.

— Счастливого пути, — прошептала я. — И прощай.

Машина уносила нас в новую жизнь. Фиктивную, а быть может нет. Но мне почему-то казалось, что это только начало.

Глава 18

Я проснулась оттого, что кто-то насвистывал.

Сначала мне показалось, что это сон. Что где-то далеко, за стеной реальности, звучит мелодия — лёгкая, солнечная, с нотками чего-то до боли знакомого.

Но потом я открыла глаза... и... передо мной простирался белоснежный потолок, за резным окном я услышала крик и поняла, это не сон.

Это Демьян насвистывает внизу, на кухне. Где я теперь... что? Живу? Остановилась? Состою в фиктивном браке?

Я села на кровати, обхватила колени руками и уставилась в стену.

Вчера я вышла замуж за незнакомца.

Нет, не так.

Вчера я подписала бумаги, которые делают меня женой человека, которого знаю... сколько? Пять дней?

Я попыталась вспомнить, когда мы познакомились.

Свадьба с Алексисом. Ослиный загон. Чёрный внедорожник. Море. Дом на горе. И вот — я здесь, в белом халате (его халате, между прочим), слышу, как он насвистывает, и почему-то не хочу сбежать.

— Любава, — раздался голос из-за двери. — Ты проснулась?

Катя. Конечно, Катя.

— Да, — сказала я хрипло. — Входи.

Она вплыла в комнату, как королевский фрегат под всеми парусами. В коротком шёлковом халате (откуда, чёрт возьми, она взяла шёлковый халат?), с идеальным макияжем и бокалом в руке.

— Ты знаешь, который час? — спросила она, присаживаясь на край кровати. — Десять утра. А твой фиктивный муж уже на кухне печёт блинчики. Блинчики, Любава. Грек печёт русские блины. Я в культурном шоке.

— Он печёт блины? — я не поверила своим ушам. — Вообще-то, он греко-рус или рус-грек. Не важно. Он не чистокровный грек, а значит печь блины для него это нормально.

— Хм... тогда простительно. — Катя сделала глоток из бокала. — Апельсиновый сок, — пояснила она, заметив мой взгляд. — Я пью из бокалов даже воду. Это вопрос эстетики.

— Ты ненормальная.

— Я знаю, — она улыбнулась и встала. — А теперь вставай, умывайся и спускайся. Твой муж заждался.

— Фиктивный муж, — поправила я.

— Ой, какая разница, — отмахнулась Катя и выплыла из комнаты.

Я осталась сидеть на кровати, чувствуя, как уголки губ сами собой ползут вверх.

Я спустилась вниз через пятнадцать минут. Волосы собрала в небрежный пучок, надела чистые джинсы и белую футболку — ничего особенного, но Катя, проходя мимо, одобритительно кивнула:

— Так даже лучше. Невинность и лёгкий шарм.

Демьян стоял у плиты. В розовом фартуке с надписью «Best Chef Ever». Тот самый Демьян Муромский, который подбирал меня с парковки, который смотрел на Алексиса как на букашку, которую можно раздавить. Тот самый который вчера в мэрии стоял с каменным лицом, пока чиновник объявлял нас мужем и женой, — сейчас стоял у плиты и насвистывал греческую песню, переворачивая блины.

— Ты... — начала я и замолчала.

Демьян обернулся, увидел меня и мне показалось, что он растаял. Улыбка была настоящей, тёплой, от которой у него в уголках глаз появились лучики морщин.

— Доброе утро, жена, — сказал он.

Я поперхнулась воздухом.

— Фиктивная жена, — выдавила я.

— Фиктивная, фиктивная, — легко согласился он и кивнул на стул. — Садись дорогая. Блины остывают.

Я села. Он поставил передо мной тарелку с горкой блинов — тонких, кружевных, с творогом и сметаной. Рядом — пиала с оливками.

— Оливки к блинам? — я подняла бровь.

— Греческий шик. — Он сел напротив и пододвинул ко мне кофе. — Сейчас будем пробовать.

Он отломил кусочек блина двумя пальцами, посмотрел мне в глаза и аккуратно отправил его мне в рот. От удовольствия, сама не знаю как, я закрыла глаза и застонала. Творог был нежным, сметана — чуть кисловатой, а тесто — таким тонким, что таяло на языке. Но вот его пальцы, которые коснулись моих зубов были слаще меда.

— Боже... — простонала я, не понимая, что вкуснее. — Как ты это делаешь?

— Вот этими самыми руками, — показал на свои ладони и подмигнул, — уверяю, я могу не только блины печь. В общем, ты скоро все узнаешь.

— Правда что ли? — усмехнулась я и взяла еще один блинчик. Теперь уже сама. Свернула его, обмакнула в творог и положила на язык. — Ммм... божественно.

— Учился у нашей соотечественницы. — Он сделал глоток кофе. — Одна бабушка в Тверской области научила, когда я там отдыхал. Она мне сказала одну фразу, которую я никогда не забуду: «Без блинов мужик — не мужик». С тех пор, я с бабушками не спорю.

— Ты не перестаёшь меня удивлять.

Я потянулась за третьим блином и только сейчас заметила, что Катя сидит в углу с бокалом и смотрит на нас с выражением кошки, которая только что нашла банку со сметаной.

— Вы двое, — сказала она, обводя нас бокалом, — самая сексуальная фиктивная пара, которую я когда-либо видела в своей жизни.

— Катя! — мы с Демьяном сказали это хором.

— Что? — она сделала невинные глаза. — Я просто констатирую факт. Он печёт ей блины в розовом фартуке. Она смотрит на него так, будто он только что достал луну с неба. А между вами искрит так, что можно яичницу жарить.

— Катя, — повторила я с нажимом.

— Ладно-ладно, молчу. — Она поднесла палец к губам. — Но вы оба знаете, что я права. Демьян откашлялся.

— Кстати о планах, — сказал он, отодвигая тарелку. — Мы едем в Нафплион.

— Зачем? — я насторожилась.

— Нужно купить тебе нормальную одежду. Не могу же я показывать свою жену в джинсах на рыбном рынке.

— Фиктивную жену, — поправила я.

— Покажи мне статью, где написано, что фиктивная жена не может хорошо выглядеть. Катя зааплодировала.

— Демьян, вы гений. Я еду с вами.

— Не сомневался, — ответил он, вставая и снимая фартук. — Собирайтесь. Через полчаса выезжаем.

Он вышел из кухни, а я осталась сидеть с вилкой в руке.

Катя посмотрела на меня поверх бокала и тихо сказала:

— Ты влюбляешься.

— Нет, — ответила я слишком быстро и отчаянно закачала головой.

— А я говорю, влюбляешься в своего мужа.

— Я не могу. — Я уткнулась взглядом в тарелку. — Это не правильно. Я знаю его пять дней.

— Ох, дорогая моя, разве это причина. Люди влюбляются за минуту, а потом живут всю жизнь в мире и согласии.

— Но... я... для меня это слишком быстро.

— Послушай моего совета, подруга, самое главное — не отталкивай его. Позволь ему ухаживать за тобой и... любить. И ты сама полюбишь.

Глава 19

Нафплион оказался самым красивым городом, который я видела в своей жизни.

Узкие улочки, вымощенные камнем, выются между невысокими домами с черепичными крышами и ставнями цвета бирюзы и лаванды.

Бугенвиллеи свисают с балконов розовыми и оранжевыми водопадами.

В воздухе пахнет морем, жареными каштанами и чем-то сладким — может быть, луком, может быть, просто счастьем.

— Нравится? — спросил Демьян, пока мы шли от парковки к центру.

Я не могла говорить.

Я просто вертела головой, пытаюсь впитать в себя каждую деталь этого сказочного города. Старую венецианскую арку, покрытую плющом. Кота, который спал на подоконнике пекарни. Двух старушек в чёрных платьях, которые сидели на скамейке и что-то оживлённо обсуждали, размахивая руками.

— Это похоже на открытку, — выдохнула я наконец. — Живую, трёхмерную открытку.

Демьян улыбнулся уголком рта.

— Подожди, вот увидишь порт и просто описаешься от счастья.

Катя шла чуть позади и наблюдала.

Она всегда наблюдает. Катя — это такой человек, который видит всё и делает выводы, которые никто не просил.

— Вон там, — Демьян кивнул в сторону узкого переулка, — лучший магазин одежды в городе. Хозяйка моя старая знакомая. У неё отличный вкус.

— Ты часто покупаешь одежду у старых знакомых? — спросила я нейтральным тоном.

— Только когда нужно произвести впечатление.

Он свернул в переулок, не оборачиваясь. Я пошла за ним.

И вдруг заметила двух греческих девушек — высоких, загорелых, с идеальными стрелками на глазах. Они обернулись Демьяну вслед. Их взгляды скользнули по его плечам, по спине, по тому, как уверенно он держался. В их глазах читалось: «Вот это мужчина».

Меня кольнуло что-то острое, неприятное, совершенно незнакомое.

— Что с тобой? — спросила Катя, поравнявшись со мной.

— Ничего.

— У тебя лицо такое, будто ты лимон проглотила.

— Я сказала, ничего.

Катя посмотрела на девушек, потом на меня, потом на Демьяна. Её глаза зажглись пониманием.

— О-о-о, — протянула она. — Это подруга, называется ревность.

— Нет, — покачала головой.

— А я говорю, это и есть ревность. Поздравляю, Любава. Ты влюбилась.

— Я не...

— Ага, конечно. Поэтому ты смотришь на девушек, которые смотрят на твоего фиктивного мужа, как будто хочешь выцарапать им глаза моей вилкой для оливок.

Я промолчала, потому что спорить было бесполезно.

И потому что, по-моему, она была права.

Магазин оказался маленьким, залитым светом, с высокими потолками и старинными венецианскими зеркалами в резных рамах.

Платья здесь висели на вешалках, словно разноцветные бабочки, застывшие в полёте.

Хозяйка была женщиной лет пятидесяти, с идеальной сединой и огромными бирюзовыми серьгами. Она встретила Демьяна поцелуем в обе щеки и что-то затараторила по-гречески.

— Это Исидора, — представил Демьян, когда поток слов иссяк. — Лучший стилист Нафплиона. Она поможет нам выбрать что-нибудь... повседневное.

— Элегантное, — поправила Исидора, переходя на английский. — Для такой красоты. Только элегантное. Идём, милая. У меня есть такое платье. Закачаешься.

Она схватила меня за руку и утащила за ширму.

Исидора достала с верхней полки платье цвета слоновой кости.

— Примерь вот это.

Платье было лёгким, струящимся, с тонкими бретельками и глубоким вырезом на спине.

— Слишком открыто, — сказала я.

— В самый раз, — сказала Исидора и буквально впихнула меня в него.

Я надела платье, выдохнула и вышла.

Демьян сидел в кресле с чашкой кофе. Он поднял глаза и замер.

Я видела, как его взгляд скользнул по платью — от плеч до колен, потом обратно. Как задержался на вырезе на спине. Как что-то изменилось в его лице — неуловимое, но такое явное, что у меня перехватило дыхание.

Он поставил чашку, встал и подошёл ко мне вплотную. Я почувствовала запах его туалетной воды — кожа и пряный орех.

— Повернись, — сказал он тихо.

Я повернулась. Его пальцы коснулись моей спины — там, где застегивалась лямка.

— Застёжка съехала, — пояснил он.

Его пальцы задержались на моей лопатке на секунду дольше, чем нужно. Тёплые, сухие. Я почувствовала, как по коже побежали мурашки — от его прикосновения, от его близости, от того, как он смотрел на моё отражение в зеркале.

— Спасибо, — выдохнула я.

— Всегда рад помочь, — ответил он, но не убрал руку.

Продавщица Исидора, наблюдавшая за этой сценой с явным удовольствием, одобрительно кивнула:

— У вашего мужа отличный вкус, милочка.

Я не поправила. Слово «фиктивный» застряло в горле.

Демьян поймал мой взгляд в зеркале и едва заметно улыбнулся.

— Берём, — сказал он. — И туфли к нему. И сумочку.

— Демьян, — попыталась возразить я, — это слишком...

— Это подарок, моей жене, — перебил он. — Не лишай меня удовольствия наслаждаться довольным ее личиком.

Я кивнула и поджав губы отвернулась. Жар на щеках точно выдал меня и с этим я уже точно ничего не могла сделать.

Демьян заплатил, не глядя на чек. Катя, стоявшая в углу, одобрительно кивнула.

— Ну всё, Любава, похоже ты пропала.

Я сделала вид, что не услышала.

Рыбный рынок в Нафплионе оказался именно таким, как я себе представляла: шумным, пёстрым, пахнущим морем, лимоном и жареными кальмарами.

Продавцы выкрикивали цены, покупатели торговались, чайки кружили над головами.

— Держись рядом, — сказал Демьян, беря меня за руки. — Здесь легко потеряться.

Его ладонь лежала в моей руке уверенно и спокойно. Я не отстранилась.

Мы шли между рядами, и я чувствовала на себе взгляды. Много взглядов. Продавцы кивали Демьяну.

— «А, кириос Муромский, калимера!», а потом переводили глаза на меня, и в них читалось любопытство. Одобрение, а иногда откровенное женское «повезло же ему».

А потом я заметила её.

Девушку лет двадцати пяти, смуглую, с чёрными кудрями до пояса. Она стояла у прилавка с оливками и смотрела на Демьяна. Не так, как смотрят на знакомого. А так, как смотрят на то, что хотят заполучить.

Демьян похоже не замечал.

Он показывал мне на осьминогов, объяснял, как выбирать свежую рыбу, смеялся над моим ужасом, когда я увидела живого лобстера.

А я смотрела на девушку. И чувствовала, как внутри закипает что-то тёмное и тяжёлое.

— Любава? — Демьян наклонился к моему уху. — Ты слушаешь?

— Что? Да, конечно. Осьминоги. Очень интересно, – пробубнила я и сама не поняла, что сказала.

Он проследил за моим взглядом, заметил девушку, потом снова посмотрел на меня.

— Ты что ревнуешь меня? — спросил он тихо, так, чтобы Катя не услышала. – Ревнуешь?

Глава 20

Его голос скользнул по моему позвоночнику, как тёплая волна. Я замерла.

— Нет, — ответила я слишком быстро и сама почувствовала, как предательски вспыхнули щёки.

— Ты покраснела. — Он сделал полшага ко мне, сокращая расстояние. Теперь между нами было не больше вытянутой руки. Я снова почувствовала запах его одеколона и мои ноги снова подкосились от этого аромата.

— Это солнце, — выдохнула я, отступая к прилавку с оливками, потому что ноги сами несли меня прочь — от него, от его близости, от того, как он смотрел на меня.

— У тебя уши горят. — Его взгляд скользнул к моим волосам, и я инстинктивно поправила прядь, хотя она и так лежала идеально.

— Это... ветер.

— По-моему, ветра нет. — Он усмехнулся краешком губ, и в этой усмешке было что-то тёплое, почти нежное. Такое, отчего у меня внутри всё переворачивалось.

Я не выдержала его взгляда. Слишком пристального, слишком глубокого, словно он пытался прочитать что-то, что я сама в себе не хотела признавать.

— Тогда... оливки, — выпалила я и рванула к прилавку. — Я люблю оливки. Пойдём купим оливки.

Я схватила первую попавшуюся банку, даже не глядя на этикетку. Пальцы дрожали. Демьян остался стоять на месте, но я все равно чувствовала его взгляд на своей спине — тяжёлый, горячий, как летний полдень.

Катя, шедшая следом, тихонько напевала: «Лю-ю-бовь, любовь-вь...»

Я резко обернулась к ней.

— Замолчи, — прошипела я, но в голосе не было злости. Сплошная беспомощность.

— Ни за что, — просияла она и подмигнула. — Это самое интересное, что случилось со мной за последние три года.

В машине по дороге обратно играла греческая музыка. Демьян напевал, постукивая пальцами по рулю в такт мелодии — сильными, с аккуратными ногтями, без колец, кроме того, золотого обручального, которое я надела ему на палец в мэрии.

Фиктивное кольцо.

Фиктивный брак.

Тогда почему оно жгло мне запястье, когда я смотрела на его руки?

Катя дремала на заднем сиденье, прижимая к груди пакеты. Её дыхание стало ровным, глубоким — она действительно уснула. Или делала вид. С Катей никогда нельзя было быть на сто процентов уверенной.

А я сидела на пассажирском сиденье, смотрела в окно на кипарисы и думала.

О том, как он поправил лямку моего платья — медленно, осторожно, словно прикасался к чему-то хрупкому и драгоценному.

О том, как его пальцы задержались на моей спине на секунду дольше, чем нужно. Я до сих пор чувствовала это место — оно горело под тканью футболки.

О том, как он смотрел на меня в магазине — так, будто видел впервые. Будто до этой секунды я была просто незнакомкой, а в отражении зеркала вдруг стала кем-то другим.

Я провела пальцами по сухим горячим губам.

Он не целовал меня. Пока нет. Но я уже знала — будет. Я чувствовала это напряжение в воздухе, в том, как он сжимал руль, в том, как его взгляд иногда останавливался на моём лице чуть дольше, чем следовало, а потом он резко отводил глаза и смотрел на дорогу.

— О чём задумалась? — спросил Демьян, не глядя на меня.

Его голос был ровным, спокойным, но я заметила, как его пальцы чуть сильнее сжали руль.

— О Греции, — соврала я, тоже глядя прямо перед собой. — О том, как здесь красиво.

— Это только начало. — Он повернул руль, и машина свернула на узкую дорогу, петляющую между холмов. — Я покажу тебе такие места, о которых ты не читала в туристических буклетах.

— Какие? — спросила я, чувствуя, как его низкий, чуть хрипловатый голос заставляет мурашки бежать по позвоночнику.

— Бухту, где можно купаться и никто тебя не увидит, — начал он, и я почему-то покраснела, представив нас вдвоём в уединённой бухте. — Оливковую рощу, которую посадил мой прадед. Ты знаешь, там каждое дерево помнит его руки. А еще таверну на скале, где готовят лучшего осьминога на Пелопоннесе.

— И много ты туда водил женщин? — спросила я.

Слова вырвались прежде, чем я успела их остановить. Колючие, собственнические, невозможные для фиктивной жены.

Я закусила губу. Поздно.

Демьян посмотрел на меня.

Так, как смотрят, когда хотят прочесть чужую душу. Или когда собираются оставить в ней след навсегда.

Он снял правую руку с руля и положил её на подлокотник между нашими сиденьями. Ладонью вверх. Приглашая.

Я смотрела на его руку. На линии на ладони, которые я ещё не изучила. На то, как спокойно он ждал.

Моё сердце колотилось где-то в горле. Пальцы ног скрутило от напряжения. Я вцепилась в собственные колени, борясь с желанием прикоснуться к нему.

Не смей. Это фикция. Ты уже обожглась один раз. Не смей, Любава!

Я положила руку на подлокотник.

Рядом с его. Не касаясь.

Он ждал.

Я сделала глубокий вдох, как перед прыжком в воду и переплела свои пальцы с его.

Демьян выдохнул.

— Ни одной, — сказал он тихо. — Ты будешь первой.

Его рука накрыла мою. Большой палец медленно погладил мою ладонь, и я почувствовала, как электрический разряд пробежал от кончиков пальцев до самого сердца.

Я отвернулась к окну, чтобы он не видел, как я покраснела от шеи до корней волос. Но в стекле отражалась моя глупая улыбка.

Катя приоткрыла один глаз.

— Я всё вижу, — прошептала она, и в её голосе не было ни капли сна.

— Спи уже, — скомандовала я, но голос прозвучал хрипло.

— Не могу. Я боюсь пропустить самое интересное.

Демьян прибавил громкость музыки, но его рука не отпустила мою. Наоборот — он сжал пальцы чуть крепче, словно боялся, что я передумаю, отдерну руку, спрячусь обратно в свою скорлупу.

Я не передумала. Я продолжала смотреть в окно на кипарисы и море, на золотистые холмы и белые домики, и чувствовала, как его тепло разливается по моей руке, поднимается выше, доходит до груди, сжимает сердце.

Это было началом чего-то нового, настоящего.

Чего-то такого, что не имело ничего общего с договорами и фиктивными браками.

— Демьян, — начала я, собираясь спросить то, о чём боялась спрашивать уже несколько дней:

Что мы делаем? Зачем ты держишь меня за руку, если между нами лишь фикция? Что ты чувствуешь на самом деле?

Я открыла рот, набрала воздух в лёгкие... но договорить не успела.

Завибрировал его телефон. Резко, настойчиво, разрывая тишину, как ножом.

Демьян отпустил мою руку и взял трубку.

Я увидела, как его лицо изменилось.

Стало чужим. Напряжённым. Желваки заходили на скулах, губы сжались в тонкую линию, между бровей пролегла глубокая морщина.

— Да, — сказал он. Коротко, резко. — Когда?.. Где?..

Он слушал. Я видела, как напряглись его плечи, как побелели костяшки пальцев, сжимающих телефон.

— Я понял тебя.

Он положил трубку и несколько секунд молчал.

— Что случилось? — спросила я, уже зная, что ответ мне не понравится.

Демьян не смотрел на меня. Он смотрел на дорогу, но я понимала, он не видел её. Он видел что-то другое. Что-то, что приводило его в бешеную ярость.

— Алексис...

— Что Алексис?

— Ты не представляешь, что он сделал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.